

жулики \$ среди нас

ВЗЯТКА

роман
— о квадратных —
метрах

АЛЕКСЕЙ
КОЛЫШЕВСКИЙ

Алексей Колышевский

**Взятка. Роман о
квадратных метрах**

«ЭКСМО»

2010

Колышевский А. Ю.

Взятка. Роман о квадратных метрах / А. Ю. Колышевский —
«Эксмо», 2010

Роман Алексея Колышевского посвящен коррупции в строительстве недвижимости. «Стройка – это система. Честные здесь не приживаются. Воруют все: и те, кто на самом верху, и те, кто внизу. Словом, русская стройка – это самая эффективная афера в мире, участвуя в которой приобретают все, кроме покупателя квадратных метров. Ему достается «кот в мешке с проблемами», но это никого не волнует. Без лоха и жизнь плоха».

© Колышевский А. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	6
Ветер и курица	6
1	6
2	7
3	11
Алла	16
1	16
2	20
3	21
4	23
Прораб, как он есть	26
1	26
2	28
3	32
4	33
Сколько стоит милосердие	38
1	38
2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Юрьевич Колышевский
Взятка. Роман о квадратных метрах

Посвящается больному обществу больной страны.

2010 год

Часть первая

Ветер и курица

1

Однажды, прямо на моих глазах, один несчастный убился из строительного пистолета. Я это видел собственными глазами, клянусь! Я видел, как в лоб ему вонзился жирный строительный гвоздь и этот парень стал похож на индийскую женщину с нарисованной точкой на лбу. Точкой была шляпка гвоздя. На лице у парня застыло удивленное выражение, так его и схоронили, удивленного.

Вы воскликнете: «Вот так начало!», но именно это воспоминание вытянуло из меня все остальное, о чем вам предстоит узнать. Воспоминанием о строительном гвозде, словно ключом, я открою вам мир, о существовании которого вы наверняка подозревали, но не знали подробностей. И я сильно подозреваю, что, дочитав до конца и захлопнув книгу, вы в сердцах воскликнете: «Ну и жучки эти строители! Да как же так можно?!»

Но даже если все это и случится, то я тут ни при чем. Я лишь хотел рассказать о своей жизни, воспользоваться тем безусловным правом, которое дает человеку опыт прожитых лет. Я не хочу давать советы, рассказывать всякие рецепты и капать на мозги. Я просто расскажу о том, как это было, и в конце своего рассказа обязательно выкурю самую огромную сигару «Гран Корона», которая только существует на свете. Я буду курить ее долго, в своем кабинете, там, где висит на стене картина кисти потомка большого русского художника Верещагина «Столетняя война, в которой погиб один человек, попав под лошадь». Представьте себе, на картине нарисованы два огромных деревянных коня, набитых людьми, которые осыпают друг друга копьями и стрелами. Я купил эту картину потому, что очень хотел увидеть того, кто попал под лошадь. Я так до сих пор и не увидел, где же нарисован этот несчастный, помятый лошадиной подковой человек.

Я стану курить и смотреть на Москву, чуть прищурясь. И вовсе не оттого, что светит над городом яркое солнце, морщинки соберутся вокруг моих глаз. Мое лицо – застывшая маска сарказма. Я знаю цену этому городу, особенно его новостройкам. Я знаю всех, кто стоит за тем или иным зданием, всех, кто утверждал, согласовывал, накладывал резолюции, участвовал в прениях, словно невзначай открывал ящик письменного стола в ожидании, что туда сам собой влетит плотно набитый купюрами конверт... Хотя, чаще всего, конвертами дело не ограничивается. Не тот, знаете ли, размер. В строительстве взятка порой с трудом помещается в большой пластиковый пакет. Я знаю, о чем я говорю, я таких пакетов передал целую уйму. Немного погодя я стану рассказывать вам об этом, используя все богатство родной речи, начиная от лексики клошаров и заканчивая вполне приличными деепричастными оборотами и сложно-подчиненными предложениями. А вы думали, раз строитель, значит, тупой? Нет, друзья мои. Везде и во всем бывают свои исключения.

Я буду курить свою сигару до тех пор, пока не надоеет, а потом я выброшу окурочек в открытое окно. С учетом того, что мое окно расположено на тридцать первом этаже башни «Миллениум», можно предположить, что окурочек полетит к земле по сложной траектории, влекомый ветром. Быть может, он угодит за шиворот какому-нибудь работяге из тех, от которых ошеломляюще пахнет лыжной мазью. Кому-то из тех, что копошатся там, внизу. И тогда он примется забавно орать и дрыгаться так, словно танцует ча-ча-ча. А быть может, он влетит в открытый люк легкового автомобиля ценой в сто пятьдесят тысяч евро, которым управляет

какая-нибудь пани Содержаньска, и у той появится повод удивить рассказом о случившемся всех своих тупых, испорченных подруг, большинство из которых мне знакомо не понаслышке. Судьба окурка зависит от воли ветра. Ветра, с которого все началось.

2

Ветер сидел где-то высоко, на облаке, поджав одну ногу под себя. Ветер смотрел на звезды, и никто, кроме Ветра, пилотов воздушных судов и астронавтов, кувыржавшихся в невесомости, в тот вечер не видел звезд. Ветер, словно небесный ткач, заткал небесный купол от горизонта до горизонта низкими, стальными, насупленными облаками. Он отгородился от всего подлунного мира плотным серым занавесом и теперь отдыхал там, в вышине, у подножья белой, сахарной, небесной горы, исполином вытянувшись вдоль ее склона. Голова Ветра достигала вершины. Его длинное прозрачное и густое тело струилось вниз, а вторая нога свешивалась, и Ветер, любуясь звездным космосом, ею иногда слегка покачивал. Ему все равно уже было, что происходит там, внизу. Его утомила эта скучная работа в нижних слоях атмосферы. Ветер стремился к высокому, подумывал, не полететь ли ему к звездам и уж там, среди них, устроить кавардак. Вмешаться в их строгий порядок, неизменный тот последний миллион лет, сколько Ветер себя помнил. Разметать, рассыпать звезды, словно серебряный горох по черному полю, создавая новые созвездия, раздавая им другие имена. Всякий раз, отдыхая после тяжелой работы, когда перед этим долго приходилось гнать стада тяжелых, наполненных дождем туч от Атлантики через добрую половину Земли, Ветер думал об одном и том же, ведь он был известным поэтом-анархистом и обожал глазеть на звезды и мечтать. Ему, кажется, принадлежат строки:

– Лечу один во тьме небес
Лишь лес внизу, какой-то лес...

(Гениально!)

От плавных движений его ноги, которая покачивалась словно гигантский ленивый маятник там, внизу, на одном из бесчисленных подмосковных полей вспыхивали и умирали маленькие бури. Поднимая с земли пригоршни редких еще, неприкаянных снежинок, бури – дети Ветра, мешали снег с пылью и швыряли то, что могли, в безучастные лица людей, занятых монотонным трудом. Люди рыли длинную траншею. В спину им светил прожектор. По глазам, вместе с пылью и снегом, бил дальний свет фар убогого автомобиля, родом из тех, что производят вопреки всему, а прежде всего вопреки здравому смыслу.

Как вам картинка? Нравится? Во всяком случае, я старался, как мог, рисуя ее в своей памяти. На деле-то все было куда как прозаичней. Просто был вечер начала ноября, первый снег и первый мороз. Я сидел в своей скрипучей, как ржавая дверная петля, «девятке», запивал кефиром куски какого-то пирога с подозрительной начинкой. Работал двигатель: я слышал, как время от времени с шумом реактивной турбины самолета запускается вентилятор системы охлаждения, и тогда машину начинало слегка потряхивать, а лампочки на приборной панели бессильно тускнели.

Те, над кем меня утвердили надзирателем, покорно трудились: копали траншею. У одного из них не было шапки (Бог знает почему), и он обернул голову каким-то тряпьем. Казалось, что на голове у него индийская чалма. Что общего между «неприкасаемым» индусом-ассенизатором, сиречь уборщиком дерьма, и узбеком, который копает траншею, обернув голову тряпьем? Правильный ответ – их принадлежность к одной и той же касте. Оба они «неприкасаемые». Индийские уборщики дерьма живут в сараях, крытых ржавым железом, узбеки в чалмах живут здесь, в чистом поле, в маленьком деревянном «вагончике». Этот вагончик не имеет колес, он

приехал сюда в кузове самосвала и с помощью подъемного крана был водружен посреди этого, разделенного на части поля, как символ будущего. Не узбекского будущего, не моего будущего. Будущего тех, кто заплатил за перемещение этого вагончика, за эту траншею, за то, чтобы я сидел в этой «девятке» и пил кефир. Они называют меня «Славик». Все называют меня так, и даже те, кому я сейчас подсвечиваю фарами. На большее мне претендовать не приходится. «Вероятнее всего, – думал я, – я так и останусь Славиком до самого своего конца, который приключится (если питаться сухомяткой из придорожного магазинчика) не так чтобы очень нескоро». По своему положению я нахожусь чуть выше тех, кто живет в вагончике и копает траншею, хотя, если разобраться, то и это навряд ли. У этих узбеков есть дома, семьи. Они там, в Узбекистане, где никто не является свидетелем их унижений, их жалкого существования здесь, в России. А у меня ничего этого нет. Есть только вот эта машина, которая иногда подкладывает свинью тем, что ломается, когда захочет, и моя комната в родительской квартире. В другой комнате живет моя мама, и у нее болят ноги. И голова у нее тоже болит. А папа живет где-то в другом месте, я и не знаю в каком. Я его не видел с шести лет. Почему-то мне кажется, что он помер. Не знаю почему, просто я это чувствую и все тут.

Все, на что хватило маминых скромных возможностей, – это отправить меня в строительный техникум, который я закончил перед самой армией. В армии я два года прослужил в стройбате и строил всякую хрень: в основном генеральские дачи и овощные хранилища. Вернувшись из армии, рекрутировался в контору, которая строит загородные дома. Вот поэтому я здесь, на этом стылом поле, и должность моя называется заковыристым словом «супервайзер». Это официально. А сам себя я называю «надсмотрщик за рабами». Мне двадцать три года, и я всего хочу, но почти ничего не могу, ибо я нищ и гол. Положено говорить «гол, как сокол», но я всегда недоумеваю, при чем тут сокол и как он может быть голым, ведь у него есть перья, он же не щипаная курица глубокой заморозки, которую мама ранним утром извлекла из холодильника. Значит, на ужин будет куриный суп и еще что-нибудь куриное. Горячий ужин... Покорей бы!

– Эй, вы! Кончай работу! – Я вылез из машины, сделал несколько шагов, и в рот мне тут же попала чертова пыль вперемешку со снегом. Я закашлялся, машинально выматерился. Мат является основным компонентом лексики строителей. Он для нас что-то вроде цемента, который связывает между собой кирпичи всех прочих слов.

Траншея была готова наполовину. Узбеки, не ожидая повторной команды, побросали лопаты и молча побрели к своему вагончику. Завтра они начнут в семь утра, на рассвете. Я приеду сюда в восемь. И так каждый день.

Я собрался было уезжать, но меня окликнул чей-то грубый, осипший голос:

– Шеф! (Так они называли меня) Эй, шеф!

– Ну чего тебе? – ответил я, оборачиваясь.

Один из рабочих: маленького роста, коренастый, с мощной шеей борца и сросшимися густыми бровями на плоском, смуглом лице, стоял неподалеку, не решаясь подойти ближе.

– Мы ужинать будем.

– Ну и на здоровье, – буркнул я, и буркнул мой живот, утомленный сухомяткой из придорожного магазинчика. – Ужинайте. Кто вам мешает-то? Сделал дело, так жри смело.

– Мы это... Я... – Рабочий замялся. – У моего сына сегодня день рождения. Вот хотели тебя пригласить по-братски.

Я растерялся. До сего момента я не вступал с ними в неформальные отношения. Они привыкли, что чаще всего я либо чеканю слова, указывая, что именно делать, а иногда и ору, причем матом, но не переходя на личные оскорбления и не употребляя оборота «еб твою мать» (могут убить, бывали случаи, и мне о них известно). Это приглашение меня озадачило. Идти в этот ужасный вагончик?! В этот курятник?! В этот хлев, разделенный хлипкой перегородкой пополам, где в одной половине нары, заваленные грязными матрасами, а в другой подо-

бие кухни?! Я был там лишь однажды, когда проверял электрический щиток, и помню длинный, сколоченный из неструганых досок стол, застеленный черт знает чем, кажется какими-то газетами, и длинные лавки, обитые полиэтиленовой пленкой. Что они там жрут? Уж точно не мамину курицу! Но с другой стороны, дорога домой займет у меня часа три... Пойти, что ли? Ведь люди! Да они еще, чего доброго, обидятся на меня...

...Это мои воспоминания. Это сейчас, сидя за столом красного дерева, в уютном кресле с массажными причудами ценой в несколько тысяч долларов, я могу облечь картины из своей памяти в столь изящный багет. А тогда, там, все сказанное было сказано вовсе не так, не в той тональности, не теми словами. Но не междометиями же мне, в самом деле, изъясняться? Да и мат, когда его чересчур много, тоже смотрится неказисто и не вызывает тех восхитительных острых ощущений, которые испытываешь всякий раз, вдруг натыкаясь на то или иное словцо в произведении какого-нибудь именитого писателя. Итак, я согласился...

...Вагончик благоухал неопишными ароматами, которые лишь человек в состоянии производить на свет. А кто-то считает человека созданием Божиим! Да разве Бог сотворил бы столь вонючее существо?! Верно, что Бог сотворил обезьяну, а уж человек произошел от обезьяны и в чем-то превзошел ее, как в высоком, так и в низменном.

Я осмотрелся. Стол был покрыт совершенно новой клеенчатой скатертью. Рисунок: коричневая клетка и цветы. И еще, помимо цветов, попугаи. Чертово дерьмо! Попугаи! Здоровенные! Таких больших, наверное, точно можно научить выговаривать всякие смешные вещицы. Например, что-нибудь про начальника или про заказчика. При воспоминании о заказчике я нервно сглотнул и на миг ощутил, как душа провалилась в пятки. Впрочем, все быстро прошло. А на столе между тем появлялись разные, вне всякого сомнения, вкусные вещи. Большая, закопченная снаружи сковорода жареной картошки, крупными кусками порезанный свиной окорок (вот тебе и мусульмане), дюжая банка соленых огурцов, черный хлеб (видно, что очень свежий, душистый), маринованные помидоры, отварная белая фасоль, жареные куриные ноги имени президента Пендостана и, разумеется, водка. Вообще-то это запрещено. Категорически. На стройке сухой закон, и до сих пор я был уверен, что мои узбеки не пьют, но вот ошибся. «Не знаешь ты, Славик, ничегошеньки, – мысленно укорил я себя. – Вот, оказывается, чем они тут по вечерам занимаются».

Виду я не подал. Праздник есть праздник. Да и выпендриваться я права не имел, так как находился на их территории, в другом измерении, в чужом монастыре: можно назвать это как угодно, но когда восемь усталых, измотанных работой людей чинно расселись по лавкам и хотят единственного развлечения – выпить водки, я обязан закрыть глаза и смолчать. Что я и сделал.

Сел с ними. Мне налили в алюминиевую кружку. Я отодвинул подлую влагу от себя подальше и покачал головой:

– Мужики, мне еще домой ехать. Нельзя. Да и не люблю я. Молодой еще, чтоб к ней привыкнуть.

Уговаривать меня они не стали, и алюминиевая кружка так и стояла передо мной с видом потаскухи, которую отказались пользоваться по соображениям, ей непонятным: моральные принципы, супружеская верность, прочие убеждения и, наконец, элементарная брезгливость. Водка и есть сродни потаскухе – грязной, продажной и самоуверенной. Она ведет себя как единственная баба на острове, полно уцелевших после кораблекрушения матросов. Крива бабенка и неказиста, но куда вы, на хрен, денетесь. Рано или поздно...

Узбеки пили, ели, хмелели, что-то с хохотом обсуждали. Я отведал их угощения и нашел его отменным. От горячей еды меня разморило, тело обмякло, и я сильно навалился на стол.

– Славик, нам когда будешь зарплату давать? – вдруг бросил в меня вопросом один из них, сидящий в углу, с покрасневшим от водки простым и широким, как лопата, лицом.

– Как всегда, – рассеянно ответил я, удивляясь, что в голове вообще нет никаких мыслей, будто они кончились. – Заказчик вот-вот рассчитается. Вроде на днях обещал.

Ветер снаружи совсем стих. Вместо ветра послышался тяжелый гул подъезжающих автомобилей. Похоже, что его услышал только я, так как все остальные были пьяны, шумны и невнимательны. Не считая нужным что-то объяснять, я вылез из-за стола и вышел из пропахшего тяжелым пролетарским духом вагончика. Снаружи меня встретил свежий морозный воздух, темный и безмолвный силуэт строящегося особняка и несколько здоровенных амбалов: хозяйская охрана. Сам он стоял чуть поодаль, свет фар облегал его силуэт, и я видел, как он смотрел на свой будущий дом, задрав голову и скрестив руки на том месте, что обычно защищают хоккейные вратари и футболисты, выстроившись в «стенку».

– Здрасьте, Константин Андреевич, – принялся я ломать шапку перед барином – обладателем недостроенного дворца площадью в полторы тысячи квадратных метров, – эт самое, добрый вечер!

– Чего делаете-то? – вместо приветствия спросил Константин Андреевич, как мне показалось, даже не соизволив повернуть головы в мою сторону.

– Траншею копаем, – продолжал угодничать я, – почти уже всю и выкопали.

– На хрена?

– Ну как же! Коммуникации, трубы надо подводить. Свет, вода, газ... Все в трубах, все, эт самое, через них, Константин Андреевич, – зачистил я, слыша в своем голосе звенящие на морозе нервные струны.

– «Подводить надо», твою мать! – выругался тот, кто прибыл на двух слоноподобных «Субурбанах», передразнивая меня. – Куда на хрен «подводить»?! К чему, бля?! Вы мне когда хоть что-то готовое покажете?! Когда дом достроите?! Я в вашу контору только бабло отслюнявливаю, а вы здесь херней маетесь, канаву какую-то роете! Я сюда месяц не приезжал и думал, что уже и крыша есть и все чин-чинарем, а вижу, что вы еще и второй этаж ни черта не перекрыли! Как там тебя?

– Славик, – напомнил я, дернув шеей оттого, что нервный ком на сей раз оказался очень большим и проглотить его было непросто.

– Где крыша-то, Славик? Я ж вам за нее заплатил вроде! Так какого этого самого вы ее до сих пор не сделали, ась?! – принялся издевательски допрашивать меня Константин Андреевич, а его амбалы стояли с видом участников похоронной команды, ожидающих, когда последний родственник кинет положенную по обычаю горсть земли, чтобы уж и закопать виновника торжества, как подобает.

– Константин Андреевич, нам ее делать не из чего. И плит у нас нету, чтобы этаж перекрыть. Вот, чтобы у людей работа была, я решил: пусть, пока материалы не подвезут, эт самое, пусть они копают. Все равно рано или поздно это нужно будет сделать, – как на духу признался я.

И чего он на меня взъелся? Я кто? Лось в пальто? Пожалуй, нет. У меня и пальто-то нету. Значит, просто лось. У него там, в Москве, дела с моей конторой, он туда платит деньги, а мне сюда просто привозят материалы, и я из них строю. Есть материалы – строю, нет материалов – не строю. Материалов не было уже неделю, и с чем это было связано, я понятия не имел, и уже открыл было рот, чтобы все это сказать уважаемому и охраняемому Константину Андреевичу, но тот меня опередил:

– А чего там за веселуха? – грозно спросил он, прислушиваясь к звукам, доносящимся из вагончика. – Вы там бухаете, что ли?

– Нет, то есть не совсем так, просто, вы понимаете... – зачистил я, не зная, что именно говорить, а разъяренный хозяин напирал на меня вместе со своими амбалами. Они прошли мимо меня так, как волна проходит через прибрежный риф. Кто-то толкнул плечом, кто-то

несильно задел локтем. В темноте внезапно появился прямоугольник света – это Константин Андреевич наотмашь распахнул дверь вагончика:

– Это чего здесь такое?! Пир горой?! Бухаете за мой счет, уроды?! Вместо того чтобы работать, устроили себе санаторий? – услышал я его разъяренный голос. – Водку жрете?! Совсем очертенели, чурбаны!

– Э, так зачем говоришь? У меня у сына сегодня день рожденья. Вот немножко отмечаем после работы. Все нормально, – вежливо ответили ему.

«Откуда черт принес этого Константина Андреевича? Мимо он, что ли, проезжал и решил сюда завернуть?» По его команде амбалы принялись выгонять моих узбеков из вагончика и колошматить их ногами и кулаками. Били профессионально и с удовольствием. Кто-то, войдя в раж, вытащил пистолет. Один из работяг попытался ответить и получил пистолетной рукояткой в лицо, залился кровью. Константин Андреевич наблюдал за этим с очевидным удовольствием, а я, сообразив, что сейчас и до меня дойдет, начал пятиться в сторону своей «девятки». Впрочем, закончилось все довольно быстро. Попинав рабочих и таким образом получив некоторую разрядку, нервную компенсацию, амбалы, вместе с этим чертовым психопатом, уехали. Напоследок Константин Андреевич пообещал с утра пораньше заехать в наш офис и «всех там построить».

Узбеки сквернословили и возвращались обратно к своему образу жизни, я сидел в машину, на улице был ноябрь и минус 2, шел девяносто третий год, а мне недавно исполнилось двадцать три. Я, как видите, был молод, курил сигареты «LM», ездил на «девятке» и, благодаря техникуму, службе в стройбате и некоторой практике, начинал кое-что понимать в тонкостях строительного дела. Будущего своего я тогда не представлял, как-то не заморачивался на эту тему, жил только сегодняшним днем и всегда опасался приезда константинов андреевичей. Сейчас мне бесконечно смешно и одновременно немного грустно вспоминать об этом. Смешно от того, какой я был трогательный дурачок, грустно от того, каким я был молодым. Я расскажу вам свою историю. Всю, как она есть. Постараюсь нигде не приврать и ничего не отпилить. Постараюсь не быть занудой. Думаю, вам будет интересно. Ведь всегда интересно знать, как именно вас обманут и разведут на деньги. Вам интересно будет узнать о себе нечто новое, что заключается в том, что для меня и для таких, как я, вы – обыкновенные лохи. Не обижайтесь потому, что так оно и есть. Быть может, закрыв эту книгу, вы будете мне признательны за ту правду, которая в ней содержится. Быть может, тогда ваша лоховатость хоть немного уменьшится. Поехали!

3

После всего, что произошло накануне, я решил следующим утром ехать в офис и рассказать о том, что всем нам угрожает. Этот Константин Андреевич крутой, сразу видно. У него понтов и охраны столько, что в «Субурбан» все это едва помещается. Такой может здорово испортить жизнь.

В офисе я бывал не часто, для меня это было сродни курортному блаженству: тепло, светло, чисто, женщины из бухгалтерии колошматят каблуками коридорный пол и делают это с такой силой и так убедительно, словно выступают в суде на стороне обвинения. Я люблю смотреть на женщин из бухгалтерии, среди них попадаются хорошенькие, а две примерно моего возраста: Леночка и Катечка. В мою сторону они даже и не смотрят потому, что я лишь супервайзер, что в их понимании означает почти полный ноль, а значит, нечего со мной и время терять. У Леночки, простите за простоту речи, клевые сиськи, у Катечки – красивая попа. У Леночки пушистые длинные волосы, у Катечки длинные, стройные ноги. В каждой из них есть то, чего нет у другой. Они словно сделаны из половинок красивого и посредственного, и таковы, по моему глубокому убеждению, почти все женщины, кроме тех, которые либо при-

надлежат к партии полных уродин (сокращенно ППУ), либо улучшают свои посредственные половинки с помощью косметики и пластической хирургии. Нет, я отнюдь не женоненавистник, но я страстно желал тогда переспать и с Леночкой, и с Катечкой. А лучше с ними обеими сразу, потому что они виделись мне как творения шутницы-природы, поменявшей местами их элементы. Ну, вы понимаете? Катечка одолжила у Леночки задницу, а та, в свою очередь, заняла у Катечки сиськи под ноль процентов годовых. Как-то так...

Еще в офисе было сколько угодно горячего чая, и ровно в час дня открывались двери столовой, где мне несколько раз довелось отведать супу и еще чего-то, неважно чего именно, но всяко это было лучше, чем кефир и пирог с подозрительной начинкой.

Начальником моим был Илья Гаврилыч Крыжный – знатный строитель с богатой биографией, в которой было, кажется, три года «химии»¹ за какие-то мелкие проступки, связанные опять же со стройкой еще в советское время. Был он пузат, убедителен, голосисто-раскатист, имел широченные ладони рабочего муравья, и когда, бывало, потирал лоб, то не только лица, но и всей головы его за ладонью видно не было. Лицо у товарища Крыжного было кирпичного оттенка, крупные поры носа напоминали лунные кратеры, подбородок был массивным, выдающимся, и когда Илья Гаврилыч двигался, то казалось, что подбородок его режет пространство, словно корабельный форштевень. Крыжный имел должность начальника участка, руководил несколькими объектами одновременно, из офиса отлучаться не любил, поэтому постоянно обзванивал нас, супервайзеров, всегда задавая в начале разговора один и тот же вопрос с одной и той же интонацией.

– Ну, шо там? – спрашивал Илья Гаврилыч, и, после того, как выслушивал часть моего доклада, произнесенную на едином дыхании, он ловил момент, когда я набирал воздух, и вставлял увесистое «так». Этих «так» он произносил десятка два раз и заканчивал беседу предикативным «угу», делая ударения на последнюю «у».

Увидев меня в натуральном виде, Крыжный удивился, взял со стола пачку сигарет и замахал на меня:

– Пойдем-ка покурим!

Вышли, задымили...

– Ну, шо там? – начал он.

– Пиздец, – уверенно и лаконично ответил я. – Вчера заказчик приезжал со своими кабинами. Рабочих избили, меня чуть в землю сырую не втоптали.

– Так.

– Сказал, что сегодня сюда собирается приехать. Будет разбираться, почему до сих пор дом крышей не накрыт. Угрожал, что всех порвет на фашистские знаки.

– Так.

– Ну и все. Когда материалы-то будут, Гаврилыч? А то я ссу уже на объекте появляться, и работяги разбежаться могут, если уже не разбежались. Приеду, а там их и нету никого.

Крыжный был спокоен. Он курил, щурился от дыма и время от времени поглаживал свой арбузный живот. Видимо, обдумывал что-то. Наконец высказался:

– Плохо дело. Деньги его усвистели. Снабженца нового взяли на работу, и кранты.

– ??!

– Да закупал все на тридцать процентов дороже, поэтому не у тебя одного такая ситуация.

– Кто ж его такого до работы допустил? – изумленно спросил я, а Крыжный в ответ только рукой махнул. Вот оно что, значит. Лихо. Моя контора строит девять или десять домов одновременно, и каждый из них примерно такого же пошиба, что и дом Константина Ан... (я устал выписывать его название, пусть будет просто «Ка», почти как удав в сказке). Материала

¹ «Химия» – наказание в виде принудительных работ с проживанием в колонии-поселении.

туда надо невероятно много, и если покупать его на тридцать процентов дороже, чем заложено в смете, то это реальное попадалово.

Прежнего нашего снабженца однажды не нашли. Случилось это после того, как он уехал куда-то в Ростов за гигантской партией стройматериалов и не вернулся. Вместе с ним не вернулся и чемодан наличности. Поиск чемодана ни к чему не привел, а он, конечно же, интересовал собственников моей конторы куда как больше, чем местонахождение предыдущего снабженца. Вариантов было два: или его банально угрохали какие-нибудь бандеры, или снабженец решил попросту зажилить чемодан, и второй вариант выглядит, конечно, более привлекательно и дает пищу для размышлений на тему «кто успел, тот и съел». Из рассказа Крыжного получалось, что новый снабженец очаровал начальство своей ухваткой и умело подвешенным языком, которым он орудовал, словно змий. Поначалу, когда его еще контролировали, он действительно находил кирпич, фанеру, доски, бетон и всю эту хренотень по действительно сладкой цене, существенно снизив тем самым издержки и повысив конторе прибыль. Хозяев это несказанно обрадовало, и они, позабыв о принципе граблей и дурака, до них охочего, доверились змию, который начал мутить так, что никому и не снилось, и намутил в результате столь основательно, что продолжать строительство оказалось не на что.

– А что с ним сделали-то? – поинтересовался я, ожидая леденящего душу рассказа о посаженном в подвал и прикованном к батарее парового отопления снабженце. Но вместо этого узнал, что окаянный змий устроился на работу по чужому паспорту, подлинный обладатель которого по фамилии Жабер оказался артистом областной филармонии, человеком чрезвычайно рассеянным и знать не знающим, где и когда именно он свой паспорт обронил. Мнимый Жабер просто вклеил в паспорт свою фотографию и нагрел нас на круглую сумму. В девяносто третьем в ходу были паспорта СССР, от подделок они были защищены плохо, и с ними такая операция, как переклейка фотографии, проходила довольно легко.

Есть такая поговорка: «Нет ума – строй дома». На мой взгляд, она справедлива, хотя, конечно, не все так уж однозначно, и кому-то от стройки достаются сплошь одни блага, но к работягам вроде меня блага отношение имеют самое отдаленное. А ежели честно, то и вовсе никакого. В строительстве все начинается со смет, их всегда две: смета заказчика и наша внутренняя смета, которую заказчику показывать ни в коем случае нельзя, иначе он или будет требовать скидок, или вообще «соскочит». В той смете, которую получает заказчик, все выглядит довольно убедительно, и стоимость работ там прописана отдельной строкой. Заказчик думает, что платит только за работу, а на самом деле он платит за все. Его нагревают на стройматериалах, как минимум процентов на двадцать, он вынужден оплачивать каждый чих, каждый забитый гвоздь, каждый снятый краном поддон кирпича, транспортную доставку, словом, все! – и притом с коэффициентом «два». Тот, кто доверяет строительство собственного дома «профессионалам» вроде нас, не знает, что не свяжись он с нами, прояви хоть немного любознательности, он сэкономил бы, как минимум, в два раза от цены той сметы, которую ему вручили в офисе вместе с лучезарной улыбкой, чашкой растворимого кофе с порционными сливками и пожеланиями всякой фигни, вроде «надежды на успешное сотрудничество» и уверений в «исключительном качестве наших работ».

...В той смете, которая остается у нас, все выглядит несколько иначе. Сумма в ней та же, что и в первой смете, а вот расписана она совершенно по-другому. Стоимость строительных материалов в ней волшебным образом уменьшается, и все, что вбито в первую смету дурака-заказчика, переносится в параграф «прибыль». Эту прибыль сразу забирает себе руководство, и частью она тратится на функционирование офиса, на зарплату леночек, катечек и, разумеется, славиков вроде меня, а то, что остается, оседает в карманах самих учредителей. Иными словами, чем больше организация, которой вы доверяете строить свой дом, тем дороже он вам обойдется. Строительные фирмы дают на свою работу «гарантию», но на самом деле особой разницы между теми, кто строит вам дом, нет, потому, что вся разница здесь лишь между

узбеками, таджиками, хохлами, белорусами, литовцами. Иными словами, между национальным составом бригады рабочих, которым моя фирма платит треть от того, что предусмотрено в смете дурака-простофили-снисходительного-идиота-заказчика...

Однако насчет зарплаты это я к месту вспомнил:

– Гаврилыч, а мне бы это...

– Чего?

– Ну, как чего? Узбекам пора за работу заплатить, так?

Крыжный вздохнул, вытащил еще одну сигарету, поглядел на нее, поморщился:

– Не с чего им платить-то. Пусть там подождут как-нибудь. Что им? Привыкать разве?

Да нет, краснорожий ты мой приятель, им-то не привыкать. А то, что я сам с тех денег хотел откусить малость? Вот что меня волнует больше всего, если честно...

Да-да. Вот такой я гнус. Обкрадываю рабочих. А кто их не обкрадывает? Естественно, все и обкрадывают.

Я просек это дело как-то почти сразу. «А что, если немножко откусывать от их жалованья? Ну, скажем, оштрафовать за что-нибудь, удержать, то да се? В конторе все равно ничего никто не узнает», – осенило меня, и я попробовал. И получилось. С тех пор я регулярно при выдаче зарплаты своим работягам удерживал с каждого по десять-пятнадцать процентов и при этом совершенно не страдал никакими угрызениями совести. Кто такой рабочий? Да никто. Ноль. И прав у него никаких нет, тем более права «вьякать». Все, что он умеет, – это ворочать руками и ногами, а я работаю головой. Головой завсегда больше наваришь, а из рук почти все утечет водой сквозь пальцы. Вот такой я. А вы думали, я «юности честно зеркало»? Ну, конечно. Ага. Еще чего. Мне тоже хочется, чтобы карман оттягивало, я уже почувствовал вкус шальных денег – это как наркотик, от него невозможно отказаться. Опять же, что я там зарабатываю-то? Как ели мы с мамой замороженную курятину, так и продолжаем, ничего не изменилось. Ну да ничего, я только начал...

В общем и целом, как говорил еврейский комиссар Швондер, картина вырисовывалась неприглядная: дом Ка достраивать не на что, денег на зарплату работягам тоже нет, мой «бонус» пролетел, как фанера над Парижем. Я уже хотел было спросить Крыжного, к чему, по его мнению, стоит готовиться, но вопрос застрял у меня в горле: во двор вкатились давешние «Субурбаны», и оттуда собственной персоной выпростался Ка.

– Вон хозяин-то, – шепотом сообщил я Крыжному, – все, как и обещал. Приехал. Что же теперь будет?

– Да нам-то что? – с явным безразличием ответил Гаврилыч. – Мы люди маленькие. Что будет, то и будет.

Константин Андреевич между тем проследовал мимо нас и даже носом в нашу сторону не повел. Я хотел было поздороваться, но не решился. Ну его к черту, в самом деле! В офис мы с Крыжным решили не заходить, а переждать визит этого нувориша на улице. И правильно сделали, потому что спустя некоторое время изнутри стали доноситься чьи-то истеричные вопли, шум и стук, производимый падающей мебелью. Уж такое это было время: заказчик был бандером, повсюду ходил со своими кабанами и бычьем, делал все что хотел и считал себя полным хозяином на этом празднике жизни. Контора наша, как ни странно, оказалась «не прикручена», то есть «крыши» не имела, и прямо на наших с Крыжным глазах эта ситуация резко исправилась. Ка напустил на наших учредителей страху, наехал на них по полной форме, и те (как потом рассказала не то Леночка, не то Катечка, которой случилось быть неподалеку) так перетрухнули, что цветом лица напоминали бумагу писчую формата А4. На Ка их уверения в том, что случился форс-мажор и все вот-вот исправится, как только удастся получить финансирование, подействовали как нельзя более положительно. Он немедленно заявил, что единственным способом исправить положение является взять кредит в подконтрольном ему банке. Вопрос решился очень быстро, и строительная фирма, где трудился ваш покорный слуга, попала к

Константину Андреевичу в кабалу. Разумеется, мои бывшие хозяева так никогда и не смогли расплатиться по этому кредиту. В результате один из них полностью обнищал и впоследствии спился, а другой наложил на себя руки: повесился. Но я сильно забежал вперед, за что приношу свои извинения, да и занесло меня немного не туда. Просто хотел напомнить, что было тогда такое вот время. Время откровенно бандитское, «крышное» время.

В моей судьбе ничего не изменилось, если не считать того, что, вернувшись на объект, я нашел вагончик опустевшим. Напуганные вчерашним террором узбеки разбежались, расползлись, словно муравьи из муравейника, оставшегося без матки. Работать было некому, я сидел возле огромного недостроенного дома, как полный кретин, и не знал, что же мне делать дальше. Именно тогда меня и посетила мысль о том, что неплохо было бы мне стать самостоятельным, свободным и богатым. Вот так, ни больше, ни меньше. И я стоял на этом стылом поле и мечтал, и ветер время от времени легонько пинал меня в спину своей ногой. Ветер и дождь – вот главные враги строителя. И еще мороз. Хотя, чем больше ты понимаешь, что ветер и дождь – это твои спутники на всю жизнь, тем безразличней для тебя становится их присутствие. Ветер и дождь – сами строители. Древние зодчие Земли. Они появились здесь первыми, они уйдут отсюда последними. Уйдут тогда, когда смоют и сметут следы всего, что мы построили, а мороз все заморозит. То-то будет невесело здесь.

Итак, я потерял работу. Я окончательно понял это не в тот самый момент, стоя возле брошенного муравьиного приюта, а спустя день или два, когда в офисе стали происходить разные события вроде изнасилования Катечки и Леночки пехотинцами Ка. Эти самые пехотинцы, пацаны, кабаны, бычье, братва, черт бы их всех забрал (а так впоследствии и случилось), вскоре после того памятного визита Ка-всемогущего заняли в офисе лучшую комнату: светлую и большую. Раньше там работали архитекторы, а теперь развлекались пацаны: играли в компьютерный пасьянс, пили, курили план, нюхали белый волшебный порошок. Сотрудники все еще ходили на работу, все еще на что-то надеялись, и Леночка с Катечкой тоже надеялись. На что? Наверное, на то, что все как-нибудь авось да и образуется. Но ничего, конечно, не образовалось.

Я тогда сидел за столом Крыжного, который немедленно после визита Ка сказался больным. Услышав душераздирающие вопли, я выбежал в коридор. Сотрудники, застигнутые этими воплями, рыданиями, мольбами, вжав голову в плечи, с опаской пробежали мимо двери бывшего архитекторского помещения, в котором развлекались пацаны. Вы думаете, я стал героем? Ворвался к ним и всех вырубил? Спас Леночку и Катечку, и они потом, в знак благодарности, устроили мне ну... что-нибудь такое устроили... – нет! Так же как все, втянув голову в плечи, я ринулся в отдел кадров, забрал трудовую книжку и навсегда покинул свое первое место работы. И таких, как я, был целый офис. И никто из нас ничего не сделал тогда, даже в милицию никто не позвонил, все мы старательно отводили друг от друга глаза. Я никогда в жизни больше не встречался с этими людьми. Леночку и Катечку я никогда больше не видел. С бывшими пехотинцами и бычьим я нечасто, но вижусь. Встречаемся по бизнесу, сугубо с деловыми целями. Ведь у денег нет ни совести, ни памяти. А вот запах у них есть. Они пахнут потом и носками, порохом и лубрикантами, кокаином и свежим газетным листком. Они пахнут, и запах твоих первых денег навсегда остается в памяти.

Алла

1

Три дня я сидел дома. На четвертый день я стал прорабом. Вернее, не вот так вот сразу, а просто звезды где-то там, наверху, выше того места, где отдыхает на облаках ветер, сложились столь оригинальным образом. Просто утром четвертого дня одна женщина по имени Алла за завтраком решила устроить своему мужу сцену ревности. Почему именно за завтраком? Не знаю. Но полагаю, что для такого дела, как ревность, не существует суточных ограничений. Итак, Алла проснулась в шесть часов сорок пять минут и увидела, что Илья, ее супруг, спит на своей половине широкого ложа, свернувшись будто улитка. Супругов разделяла белая и холодная равнина простыни. Последний секс между ними случился много месяцев назад. Этой ночью он вернулся домой очень поздно, когда она уже спала, и пробрался на кровать, соблюдая максимальную тишину. В этом он преуспел: Алла не проснулась. Сейчас она чувствовала, что пахнет от него вином, духами «Герлен» и, в этом не могло быть никакого сомнения, от него пахло чужой женщиной: ее кожей, ее волосами и так далее. Алла, чье обоняние в связи с длительным воздержанием достигло чрезвычайной остроты, уловила этот запах, и он пронзил ее мозг, отразившись болью во всем теле. Воображение опытной женщины нарисовало перед ней картину падения супруга в объятьях искушенной ветреницы-сердцеедки, которая пользуется этими ужасными духами. «Герлен» – духи для тех, кому за сорок. Они тяжелые, пронзительные, их аромат царапает ноздри и заставляет глаза часто моргать. Значит, та, чей запах он даже не удосужился смыть с себя, примерно Аллиного возраста. Значит, это какая-нибудь очередная пациентка!

Алла была врачом-косметологом. Ее муж – пластическим хирургом. Оба занимались примерно одним и тем же, но разными способами. Жена накачивала пациенток коллагеном и ботоксом, муж исправлял неточности природы с помощью скальпеля. Часто к нему обращались женщины, которым хотелось другой нос, рот, другие сиськи, ноги, губы, другое лицо, и он делал для них все это. Некоторые пациентки в порыве признательности бывали благодарны доктору не только материально. Муж и жена работали в разных местах: у нее был кабинет в здании поликлиники на Бронной, он принимал в одной из платных клиник для богатеньких на Юго-Западе. Места разные, пациентки одни и те же: состоятельные женщины трахательного возраста...

Алла встала, постаравшись сделать это как можно громче, но муж даже не шелохнулся. «Вымотался, кобель», – мрачно подумала женщина и, покинув спальню, проследовала на кухню, где задала работу кофейному агрегату и открыла окно. Поеживаясь от холода, она прихлебывала кофе и больше всего на свете хотела сейчас, чтобы муж подошел к ней сзади, обнял и поцеловал в шею, в то особенное место под волосами, где есть такая впадинка. Но его все не было, а воздух, проникающий с улицы, был таким холодным, что даже кофе не мог согреть остывающее сердце женщины, оживить ее надежду. Захлопнув окно, она назвала себя дурой, вот тогда-то он появился. Более неподходящего момента и представить было невозможно. Он вошел, как-то растерянно поглядел на нее, вымученно улыбнулся, говоря «доброе утро», и Алла смотрела на него так, словно видела в первый раз. Стройный, без брюха, умное лицо, глаза эти необыкновенные... Конечно, на все это постоянно будет спрос у чужих женщин! Он старался не встречаться с ней глазами, а она с первыми нотками истерики спросила, как он себя чувствует.

– Не очень. Вчера пришлось задержаться... – Он ухмыльнулся, и если бы не эта ухмылка, в которой не было ни тени раскаяния, а одна вопиющая и нахальная насмешка над ней, закон-

ной супругой, которой он столь откровенно пренебрегал, в которой давно перестал видеть женщину, то все, возможно, сошло бы на нет. Но ухмылка заставила Аллу перейти к действиям. Она принялась задавать ему вопросы: сперва насмешливо, пытаясь вызвать его искреннюю реакцию, затем, видя, что у нее ничего не получается, Алла сорвалась на крик, принялась обвинять его в измене, а он молча выслушал ее и ответил, что все это «полнейший и бездоказательный бред». Да-да! И он сказал это так, словно читал лекцию студентам, и даже поправил очки так же, как обычно их поправляют те, кто читает лекции.

– Ах, бред?! Да от тебя за версту разит чужим влагалищем! – окончательно вышла из себя Алла и понесла совершенно бесконтрольную околесицу, порой изрыгая словечки из лексикона уличных клошаров.

Но ничего особенного не произошло. Муж ее, спокойно выслушав претензии в свой адрес, осведомился, будет ли ему позволено сказать несколько слов в свою защиту, и, не дожидаясь согласия, рассказал историю своих ночных походов. Якобы он ехал домой, когда шедшая впереди машина внезапно улетела с дороги и врезалась в столб, и тогда он остановился и побежал посмотреть, в чем там дело. Оказалось, что за рулем была беременная женщина, у которой вдруг, раньше времени, начались схватки. «Семимесячные дела, понимаешь, – пояснил он, – пришлось прямо на месте принимать у нее роды».

– Принял? – насмешливо спросила Алла, готовая поверить во все, что будет дальше, и отчасти даже благодарная своему мужу за его способность вот так невозмутимо лгать, глядя в глаза.

– Разумеется, – с тихим достоинством героя сообщил он, – а затем пришлось везти ее в больницу, а уж потом туда прилетел ее муж и буквально заставил меня выпить, да мне и самому хотелось. Ведь это такой стресс. И как-то я после всего этого совершенно обессилел. Настолько, что даже в душ не полез. Да и вас с Ритой (так звали их дочь) будить не хотелось.

Вот, собственно, и все. Алла не стала продолжать ссору дальше и сделала вид, что поверила. А как тут не сделать вида, когда есть дом в Бельгии, квартира на «Соколе», бизнес и все это пополам. Что же, делить все это, что ли? И к тому же есть Рита, которой нужен отец. «Пусть уж лучше «роды принимает», – вздохнула про себя Алла и решила завести любовника.

По всей видимости, ее желание было настолько сильным, что любовник у нее появился в тот же день, а точнее, спустя несколько часов. Не бином Ньютона – догадаться, что любовником этим стал я. Мне было 23, ей 43, и, впервые увидев ее, я подумал, что у этой женщины, наверное, самая большая задница из всех, на которые я прежде обращал внимание.

В школе у меня была девочка, с которой я не трахался, мы лишь занимались тем, что принято называть «глубоким петтингом». После школы и до армии была еще одна девочка, с которой мы трахались. В армии была еще одна девочка, на которой я обещал жениться, но потом передумал потому, что стал подозревать ее в желании использовать меня в качестве мостика из ее Мухосранска в Москву, а равно и в желании разменять нашу с мамой квартиру. Волею судеб уже тогда я был человеком неглупым и практичным, а иначе совершил бы глупость и женился прямо там, в армии. Неглупость моя и практицизм сводились тогда к постоянному использованию презерватива, чтобы проворная девушка как-нибудь от меня не залетела. После армии были еще какие-то связи, но недолговечные, так как пассии хотели замуж, происхождения были рабоче-крестьянского, а моя мама называла всех моих подружек «сбродом».

– На что они тебе, сынуль? – вопрошала меня мать. – Что они могут тебе дать?

И тут же сама отвечала на свой вопрос:

– Да ничего. Они ничего не умеют и могут только сосать из тебя, а ты будешь на них горбатиться и состаришься раньше времени. Как женщины они тоже мало что умеют, значит, ты останешься неудовлетворен и будешь искать утехи на стороне. Нет, не торопись жениться. Не надо.

И я не торопился. Не было такого желания. Да и с какой радости так рано жениться?! Жить-то на что? Втроем лопать курицу? Наблюдать, как мама ссорится с невесткой? К черту такие перспективы! Поэтому когда я думал о женщинах в своей жизни, то представлял себя в роли альфонса и не испытывал ни малейших угрызений совести. Член – это единственный актив такого простого парня, как я. Ведь и большинство женщин именно так относятся к своему детородному органу, пытаются пристроить его с максимальной выгодой. Цинично звучит? Куда ж деваться? Правда всегда цинична потому, что в ней нет сентиментального вымысла, которым человек истари норовит прикрыть то, что есть на самом деле. А на самом деле было вот что.

Около девяти часов утра я ехал по дублеру Ленинградского проспекта и увидел, что на обочине, возле синего «Гольфа», стоит женщина, годящаяся мне в матери, и «голосует». Я выехал так рано потому, что вот уже четвертый день занимался извозом и с утра успел отвезти в аэропорт «Ш-2» какого-то подгулявшего и радостного человека. Он всю дорогу намурлыкивал какие-то шансонные темы, а потом поведал, что летит в Париж, чем вызвал во мне легкий прилив классовой ненависти. Увидев мой поджатый подбородок, человек, летящий «до Парижу», хохотнул и, расплачиваясь, посоветовал:

– За баранкой ни хера не заработаешь. Иди воруй.

И вот, возвращаясь обратно и переваривая его совет, я сканировал взглядом обочину в поисках нового клиента и наткнулся на эту женщину.

– Куда вам? – поинтересовался я, когда она открыла дверцу, и я увидел, что у нее симпатичное лицо. Даже не то чтобы симпатичное, а было в нем какое-то мимолетное «украшение»: то, что притягивало внимание и отвлекало на себя мысли. Как может описать женское лицо тот, кто не является художником? Пожалуй, так: белое, гладкое и... Эх, да что там?! У строителя описывай хоть лицо, хоть еще что, а все равно по описанию получится раковина или унитаз.

– На Бронную, – выпалила она и, не дождавшись моего согласия, уселась по соседству. – Представляете, машина сломалась и вообще...

– А у нас фирма обанкротилась, – бухнул я ни с того ни с сего. – Приходится вот подрабатывать таким образом, но это временно.

– А чем занимались? – поинтересовалась женщина с симпатичным лицом.

– Строительством, – не чувствуя еще бриллиантового дыма, сказал я, – дома людям строили. Красивые дома.

– Так вы строитель? – внезапно просияла она. – Настоящий?

– Ну да, – приосанился я, – прораб с профильным образованием и солидным опытом.

– Гм... – И она о чем-то задумалась ненадолго.

Вам хочется подробностей? Увольте меня от них. Во-первых, они не так интересны, во-вторых, прошло много лет и я всего не помню. Скажу лишь, что вслед за этим «гм» последовал осторожный вопрос, по какой причине обанкротилась наша контора, затем уже более смелое: есть ли у меня рабочие (я, естественно, ответил, что в моем распоряжении несколько лучших бригад), а затем просьба показать что-нибудь при моем участии построенное (выполнить это оказалось совсем несложно). Никаких рабочих у меня не было, но я не унывал. «Что-то да придумаю», – бодрился я, везя эту тетку на Бронную и соображая, как бы побольше да половчей раскрутить ее на деньги. В моем прямолинейном и незамысловатом мышлении сразу выстроилась вся цепочка событий, и я как-то сразу представил себе, что ее заказ у меня в кармане.

Как я уже и говорил, в строительстве я владел больше чем азами, кое-чем довольно посредственно, но не было уже в строительном процессе чего-то такого, чего я себе вообще не представлял. Словоохотливая Алла рассказала мне о характере своей деятельности, я нашелся что сказать, благо язык всегда был подвешен неплохо: поборов искушение поострить в быдло-стиле насчет силиконовых бюстов, я произнес небольшой спич о чрезвычайной важности ее дела. Ведь надутые губы, контурный макияж и тому подобное – все это чрезвычайно важно для

всякой женщины, – разглагольствовал я и сыскал себе репутацию любезного и воспитанного молодого человека. Вслед за этим последовало предложение встретиться в субботу и посмотреть на то место, где Аллино семейство предполагало построить дом.

– Знаете, – проникновенно сказал я, – сейчас очень трудно не нарваться на проходимцев и жуликов. Все вдруг стали называть себя строителями. Спрашивается, какие же они строители, когда даже простенький чертеж прочитать и просчитать не в состоянии? Или, скажем, строительные фирмы, вроде моей? Ведь рвачи! Хапуги!..

...И тут я весьма кстати вспомнил этот случай, а когда вы кого-то в чем-то хотите убедить, то всегда нужно больше фактов и значимых имен. Это действует, как автомат Калашникова. Безотказно...

– А вот, буквально! Народный артист Олег Павлович Табаков затеял постройку дома в товариществе «Кино-2» – это между Новорижским и Волоколамкой примерно. Нанял каких-то «строителей», мать их за ногу! А они ему вместо фундамента обычные старые бетонные блоки поставили и даже их не связали. Представляете себе?! Огромный деревянный дом, пятьсот квадратов, повело, представляете! – скособочило через год к чертовой матери, я прошу прощения за резкость. Но вот ведь как бывает! Свяжетесь с такими – и обязательно переплатите им кучу денег за то же самое, что сделаю я за совершенно другие деньги. У вас проект есть?

– Нет, – простодушно ответила она. – У нас есть дом в Бельгии, и я хотела бы построить здесь такой же. У меня есть фотография. Вот, – она достала фотографию красивого белого коттеджа из сумочки и протянула ее мне, – этого достаточно?

Я поспешно заявил, что вполне достаточно:

– Вы мне оставьте фотографию, а уже по ней архитектор сделает проект. Все равно без него не обойтись. Надо же от чего-то танцевать. И вообще, что нам стоить дом построить нарисовать будем жить. Ха-ха!

– Я вижу, у вас основательный подход, Вячеслав, – заявила она и выпятила губки бантиком, видимо, находя это сексуальным. Я и забыл сказать, что представился ей именно как Вячеслав, навсегда похерив «Славика». Больше никто и никогда не станет так называть меня, решил я тогда.

Все совпало в тот день: и эта ее размолвка с мужем, и укоренившаяся обида на него за то, что он предпочитает ее каким-то сучкам. И, конечно, во всем этом было неизведанное ощущение новизны, той, которую только и может дать молодой и еще здоровый мужской организм увядающему женскому организму. Вы не поверите, но я, при всем своем невеликом опыте, почувствовал ее интерес ко мне. Интерес, стесненный тысячью условностей, табу, запретами и комплексами, сквозь которые он пробился словно росток сквозь асфальт: такая сила была в этом ее желании – попробовать меня.

Разумеется, все заняло какое-то время, впрочем, не слишком долгое. Не случись в ее жизни той утренней сцены, не было бы никаких наших стремительных соитий вечером того же дня, не было бы ничего такого. Алла была умной, расчетливой и хитрой, и хотя страсть притупила в ней остроту всех этих качеств, она, тем не менее, убеждала себя, что не собирается бросаться в омут с головой. Да, я понравился ей, но я был незнакомцем, первым встречным, я был гораздо моложе, и наши биологические волны и все такое еще не настроились друг на друга. Да ведь и мне она совершенно не понравилась как женщина. Сияя, словно надраенный медный грош, я смотрел на нее лишь как на клиентку, на источник своего первого настоящего барыша. Мне и в голову не пришло тогда, что, совмещая строительство дома и сооружение быстро менявшихся постельных фигур, можно достичь всего того, чего в конечном итоге достиг я. Самого дорогого. Ее доверия. Получив доверие, а значит, и любовь женщины, (а женщины слепо доверяют лишь тем, кого они любят), вы можете использовать его в собственных целях в полную силу и достичь многого.

2

Я не стал ждать три дня до субботы. Я отвез ее на Бронную и запомнил тот подъезд, куда она зашла. Я еще в машине, когда мы продирались сквозь Тверскую, узнал, когда она заканчивает работу.

– Мог бы заняться вашим «Фольксвагеном», – выступил я с предложением, – а потом съездил бы, поглядел на ваш участок земли. Если вы мне оставите фото вашего бельгийского дома, то я заехал бы сегодня к архитектору, ведь надо договориться с ним насчет проекта. Знаете, эти архитекторы – они люди творческие, непосредственные. Этого, небось, еще и убеждать придется, чтобы все бросил и занялся именно вашим делом, вашим проектом. Но он того стоит: очень хорош, невероятно талантлив.

– Господи, Боже мой, Вячеслав! – Она была покорена. – Вы такой молодой (ах, с каким упоением она произнесла это слово), а уже такой деловой, хозяйственный и расторопный. Я сегодня заканчиваю ровно в семь.

– До семи все будет готово, – пообещал я, – вот увидите! Буду встречать вас с хорошими новостями. Да! Вы, может, желаете взять к себе мой паспорт?!

– Зачем?! – искренне удивилась она.

– Но как же... Ведь машина... А вдруг я жулик, аферист? Разве теперь можно кому-нибудь доверять?

– Хм... – Она как-то по-новому посмотрела на меня, и я пожалел о своей инициативности. Вот сейчас пелена упадет с ее глаз, она напряжется и решит, что чересчур резво гонит своих коней мне навстречу. Черт! Язык мой – враг мой. Зачем было вылезать с этим чертовым паспортом?!

– Ну, давайте ваш паспорт, – в голосе ее я почувствовал легкую насмешку, – раз вы считаете, что я не умею разбираться в людях.

Ах, вон оно что. Тетка считает себя ясновидящей и психологом-криминалистом в одном флаконе. Я тут же настроился на нужную волну и с виноватым видом протянул ей паспорт:

– Простите, Алла. Я из лучших побуждений. Как-то не подумал, что раз вы врач, то, конечно же, видите людей насквозь. Простите, бога ради, еще раз. Мне, дурню, наука: век живи – век учись.

Она рассеянно проглядела документ и вернула его мне.

– Все в порядке. Контроль пройден. Знаете, Вячеслав, у вас такие глаза и руки, что вы просто не можете быть аферистом с такими глазами и с такими руками. Во-первых, вы не отводите взгляд, во-вторых, у вас не дрожат пальцы. И в глазах ваших я не вижу никакого лукавства. Так что вот вам, – она достала из сумочки ключи от машины, – реанимируйте ее и подгоните к моему дому, я напишу вам адрес. – Говоря, она копалась в сумочке, искала бумагу, нашла какой-то клочок и записала улицу и номер дома.

– Хорошо. – Я принял у нее адрес и ухитрился слегка коснуться ее пальцев. Она чуть заметно вздрогнула.

– А можно я вас в семь часов встречу? – спросил я, напустив на себя простоватый вид и заранее зная ответ. Я мог бы сказать, что верну ей ключи от машины, как только все закончу, подвезу к ее работе, но я же только делаю вид, что простофиля, а на самом деле черта с два меня раскусит любая дура, мнящая себя хоть ясновидящей, хоть психологом, хоть самим Дельфийским оракулом. Мы те, кем хотим казаться, запомните это. Умение играть присуще людям умным, и, соответственно, все те, кто играть не умеет, все они просто мудаки. Но ведь это не о нас с вами, не так ли? Да? Ну вот, хе-хе... Не лгите мне и себе, что вам никогда в жизни не приходилось обманывать, потому что даже если это так, то этого все равно не может быть, а если это все же так, то ваше место на темной масляной доске среди свечей и псалмов.

– Ну, хорошо, – игриво ответила она, и я понял, что скоро все будет весьма неплохо и я, похоже, становлюсь чувачком при делах. Я проводил ее взглядом, наслаждался тем, как она помахала мне у порога, еще раз ужаснулся катастрофическому, безнадежно-огромному размеру ее задницы и подумал, что, если вдруг случится, что у меня с ней дойдет до того места, в котором случился бы наш первый секс, то мне нужно будет очень постараться убедить того парня, который болтается у меня между ног, чтобы он уделил внимание этой бальзаковской даме.

3

С детства я ковырялся в железках и щупал механизмы. Почти любой автомобиль был для меня понятен, и «Фольксваген» также не причинил хлопот. Я вывернул и прочистил свечи – этого оказалось достаточно для того, чтобы неприхотливая машинка вновь ожила. Вот на таких мелочах, неведомых для большинства автоюзеров, в фирменных сервисах народ поднимает серьезные деньги. Вы приезжаете на «плановое ТО», где вас встречает злодей и разбойник по кличке «приемщик». Вас приглашают в комнатку с телевизором и кофеваркой. Спустя полчаса (надо же выждать немного для приличия и придания явной афере натурального вида) вам приносят стертую тормозную колодку, красную от нагара, или «убитую» свечу. Проныра-приемщик, состроив скорбную мину, сообщает, что «вот это ваша свеча, а вот это ваша колодка» и все это надо менять, притом немедленно, иначе попадете в аварию. Вы раскошеливаетесь на двести-триста долларов и... уезжаете из фирменного автосервиса с теми же свечами и колодками, с которыми сюда и приехали. Приемщик вас надул потому, что он разбойник и жулик, каких поискать. Вообще на фирменных автосервисах все выжиги и жулики, и у меня давно сформировалось четкое мнение, что среди персонала автосервиса вообще нет хоть сколько-нибудь честных людей, быть может, кроме уборщицы. Хотя и она наверняка приехала из Трускавца, или из Ташкента, или из Туапсе и при первом удобном случае стащит мобильник, бумажник и все, что плохо лежит, и смоеется в неизвестном направлении: поминай как звали.

Я немного отвлекусь, хотя то, о чем я хочу теперь рассказать, все равно имеет к теме моего повествования самое непосредственное отношение. Среди отраслей, в которых правит жульничество, выдающуюся роль занимает не только строительство. Это еще и все, что имеет отношение к продаже автомобилей. Жульничество здесь начинается с государства, которое придумало idiotские таможенные пошлины. Именно благодаря государству подлеченный мной «Фольксваген» стоит уже не как «народный автомобиль» и за него приходится переплачивать при покупке в салоне, притом весьма существенно. Еще до попадания в салон машина становится дороже процентов на пятьдесят своей европейской цены, а уж в салоне на нее нацеливают еще четверть от той же европейской стоимости. Вот и выходит, что покупатель платит за средненький автомобильчик те же деньги, за которые «там» он купил бы машину гораздо более высокого класса. Всем это известно, и любой вправе плюнуть мне под ноги (выше я вам не позволю) со словами «тоже мне Америку открыл». Да не открыл я ничего. Просто хотел напомнить, что самое элементарное – перемещать свою задницу посредством вращения под ней четырех колес в нашей стране – удовольствие несправедливо дорогое. Здесь вообще дорого все, что касается и не удовольствий даже, а просто элементарного желания жить по-человечески.

В девяносто третьем никакой обязательной страховки и в помине не было, про автокредиты никто и слухом не слыхивал. Все только и говорили о кредитах, приводя в пример Америку, которая «вся живет в кредит». Люди жаждали попробовать – что же это такое за диво: покупка в кредит. Прошло несколько лет. Попробовали...

Теперь тот же «Фольксваген», купленный в салоне в кредит, становится дороже еще на четверть и стоит уже две своих европейских цены. Плюс к этому надо прибавить обязатель-

ные страховые выплаты и вероломство приемщиков фирменных автосервисов – получается совсем грустно. Почему здесь все так дорого? Только ли потому, что страна, словно пьяная куртизанка, проиграла в рулетку собственную промышленность, всю до винтика? Разумеется. Но еще и потому, что среди тех, кто продает вам машины, чинит их, строит вам дома, продает вам предметы первой (и не очень первой) необходимости, в абсолютном большинстве присутствуют такие, как я. А уж что касается строительства, то в этой «отрасли» жулики абсолютно все. Говоришь «строитель», подразумеваешь «жулик». В детстве я видел в маминых руках книгу, название которой запомнил: она называлась «Тайфуны с ласковыми именами». По аналогии с этим названием мы – «Жулики с милыми манерами». Мы обжулим вас, не сомневайтесь! Вы переплатите за нашу работу, в которой вы ни черта не понимаете, втрое, и это еще не самый плохой для вас коэффициент. Это еще по-божески. Моя милая пластико-врачебная Алла, затевая после своей Бельгии постройку дома в Подмоскovie, не знала и не могла знать, на какие траты она себя обрекает. Не встретить она меня, появился бы в ее жизни кто-то другой. Еще какой-нибудь «строитель». А кто у нас строитель, дети? Дети (хором): Жулик! Правильно, все на лету хватаете, молодцы.

И этот кто-то, подобно мне, тоже поехал бы к «архитектору», такому же жулику, но только более интеллигентного покроя. Строитель и архитектор – два сапога пара и живут по принципу: «ворон ворону глаз не выклюет». Между собой они, бывало, ругаются в сентенции: «Ты чего мне тут нарисовал, твою мать? Все же рухнет к трам-парарам такой-то матери!» Но такое общение происходит в кулуарах, и заказчик об этом ничего не знает. Заказчик должен видеть только парадную сторону процесса. Собственно, за это он и платит.

Мой знакомый архитектор был, как и я, сотрудником нашей изнасилованной удавом Ка конторы. Сейчас он сидел дома и подумывал, заняться ли ему частной практикой или вновь предложить свои услуги какому-нибудь строительному кооперативу. Когда я позвонил в дверь его квартиры, то Рубен (так звали этого повелителя ватмана и готовальни) долго не открывал. Так долго, что я начал сомневаться, что в квартире вообще присутствует хоть одна живая душа. Наконец, пока я держал фотографию Аллы в руках и соображал, как бы мне половчее выкрутиться и где найти замену невесте куда пропавшему Рубену, тот мгновенно и широко распахнул дверь, представ передо мной в домашнем халате, шлепанцах и в белой сорочке, ворот которой украшал галстук-бабочка (я не шучу).

– А, Славик... – совершенно без эмоций и с армянским акцентом произнес армянин Рубен. – Чай будешь или кофе тебе сделать?

Спрашивать, чего ради он ходит по квартире в бабочке, я не стал, подумав, что для архитектора, так же как и для адвоката, наличие бабочки – это такая же необходимая часть имиджа, как для собаки породы «доберман-пинчер» купированный хвост.

– Все равно, – ответил я, входя в архитектурскую квартиру. Рубен был внуком академика и жил в хоромаш из пяти комнат совершенно один, так как его родители где-то постоянно отсутствовали, а дед, академик архитектуры и лауреат премии товарища Джугашвили, давным-давно лежал под мраморным надгробием на Ваганьковском кладбище, причем надгробие это он, смеясь ради, однажды спроектировал для себя сам. Несмотря на все признаки аристократического происхождения, Рубен был человеком незаносчивым и имел тягу к меланхолическим, философическим размышлениям. В покойной нашей конторе было много клиентов армян, и все они жили в домах, построенных по проектам своего соплеменника. Собственно, Рубена в кооперативе и держали потому, что он, имея обширные связи в армянской диаспоре, поставлял конторе клиентов – богатых армян. Вообще армяне, по моим наблюдениям, довольно забавные люди, и главный принцип их жизни – это «чтобы было недорого, но дорого». То есть чтобы выглядело дорого. Кстати, шильдик от «Бентли», наклеенный на «трехсотый» «Крайслер», – это чисто армянское изобретение, равно как и кроссовки «Adibas» и прочие канувшие ныне в лету «Камасоники». Народ армяне – весьма специфический, и никогда нельзя доверять им

полностью, а значит, нельзя доверять вовсе. В сводном строительном симфоническом оркестре жуликов армяне по праву играют одну из ведущих партий.

– С чем пожаловал? – позевывая, поинтересовался Рубен, наливая чай в фарфоровую чашку императорского фасону (на чашке красовались корона и николаевская монограмма).

– Да вот, Рубен, – засуетился я, выкладывая перед ним фотографии, – у меня заказчица есть, хочет вот такой же в точности дом, а проекта у нее нету. Я и подумал, может, ты возьмешься? Ну, там, нарисуешь что-нибудь такое...

– Сколько? – Рубен перестал наливать чай и неожиданно цыкнул зубом, да так звонко, что я от неожиданности даже подпрыгнул.

– Да мы с ней пока вроде не обсуждали, – уклончиво промычал я. – Ты скажи, что да как, а я постараюсь ее уломать.

Рубен зевнул.

– Лохушку поймал на крючок? Ладно-ладно! – успокоительно поднял он руки, видя, что я разволновался и готов зашипеть, перекреститься и плюнуть за левое плечо. – Я не глазлив, Славик, это твое дело. Рыбаки, как и прорабы, уловом не делятся. Такое дело... – взяв на полтона ниже, задумчиво закончил Рубен. – Однако надо тебе помочь чисто по-братски! – воспрял он духом спустя минуту напряженного обдумывания.

За время этой минуты на лице архитектора обозначились все наметившиеся ранее морщины. Сразу стало видно, что в старости Рубен будет выглядеть именно так, как и должно выглядеть старому и мудрому армянину: старым и мудрым армянином, который много молчит, любит поучать, воздев к небу палец, и курит сигариллы с ароматом вишневой эссенции, какой, говорят, пахнет какой-то военный страшный газ, кажется иприт. Впрочем, я могу ошибаться, так как сам я иприту не нюхал. Отвлекусь на миг, ладно? Встречаются на том свете два скелета, узнают друг друга и начинают друг на друга наезжать с распальцовкой. Один говорит: «Да ты пороху не нюхал!», а другой ему: «Да ты иприта не нюхал!» Да...

Рубен ушел куда-то в глубь своей бескрайней квартиры, где произвел шуршание бумагами, чертыхание, восклицание прописных истин, подскальзывание, шарканье, «так-так-так», опрокидывание и имитацию плевка. Наконец, он вернулся и положил передо мной груды переплетенных чертежей:

– Вот возьми, можешь не возвращать, у меня есть еще экземпляр.

– Что это? – Я заинтересованно рассматривал чертежи. – Проект? Готовый проект? Но разве он похож? Есть хотя бы фотография дома, который был по этому проекту построен?

– Нет никакой фотографии потому, что дома нет. Нечего фотографировать. Это, понимаешь, моя курсовая работа, – доливая себе и мне чаю, признался Рубен. – Я все время мечтал, чтобы ее воплотили, так сказать, в натуре, но... Знаешь, я тебе честно скажу, я по этому проекту курсовик не защитил. Там ошибок много, и я потом все переделывал. Но тебе-то какая разница? Главное, взять предоплату и начать работы, а потом что-нибудь да выйдет. Бери, дорогой! Бесплатно отдаю! Если что непонятно будет, ты звони. Постараюсь помочь, и не забудь, как все будет готово, позвать меня на новоселье.

4

Место, в котором Алла планировала строиться, поначалу мне очень не понравилось. Это был дачный поселок МВД, и когда я подкатил к воротам и попытался проникнуть на обнесенную бетонным забором территорию, то у меня ничего не получилось. На вахте дежурила бабка с замашками тюремного надзирателя, и она долго расспрашивала меня насчет того, кто я да что я. В конце концов машину пришлось оставить снаружи, а самому, в сопровождении этой самой бабки, проследовать к нужному мне участку земли.

– Вот здесь, – проворчала бабка, – отхватили себе кусище, нечего сказать. Они не наши, не из министерства. Небось, чьи-то знакомые... Вот время пришло, все продается, все! – патетически причитала она, покуда я зарисовывал контуры участка и прикидывал, где лучше поставить дом, откуда брать воду для строительства и как сподручней будет организовать здесь подвоз материалов.

Поселок был старым, давным-давно застроенным, дорожки между домами были узкими, а к участку Аллы вел извилистый проулок шириной чуть больше грузовика «КамАЗ». Все это нравилось мне сильнее и сильнее потому, что сулило солидный навар уже на этапе разгрузки. Кирпич, арматуру и прочие габаритные материалы возят на грузовиках с прицепами, так называемых «длинномерах», а не один из них в этот проулок не втиснется. «Значит, – весело прикидывал я, – придется разгружать длинномер за воротами, перегружать из него в небольшой грузовик, а для этого нужен кран. Еще один кран должен стоять здесь, на участке, чтобы разгружать теперь уже небольшой грузовик, а это хорошие деньги, черт бы меня побрал!»

Все дело в том, что крановщик берет плату «за смену» – обычно это восемь часов, а прораб берет с заказчика совсем другие деньги, утверждая, что «падла-крановщик дерет за каждый подъем стрелы своего гребаного крана». Поэтому «смена» обходится заказчику раза в три дороже того, что платит прораб ничего не подозревающему крановщику. Но это у глупого прораба крановщик ничего не подозревает, а я умен и заранее предпочитаю договариваться с крановщиком, чтобы он меня «прикрыл» на тот случай, если вдруг во время работы нагрянет хозяин и начнет приставать к крановщику с расспросами типа «что почем». Нельзя исключать такой вариант и быть небрежным в мелочах, когда ведешь большую игру с заказчиком. Из нее ты должен выйти победителем. Иначе ты лох, и мудака, и баклан, и муфлон, и додик, и защекал, и шендерович, и гнутик, и чмошник, и тебе не место в профессии.

Крановщики по большей части – это довольно унылые, угрюмые, помятые жизненными обстоятельствами люди с тяжелым характером. Найти среди них союзника нелегко, и обычно «артистизм» крановщика в разговоре с заказчиком стоит дополнительных денег. Строительные фирмы «заряжают» в смету стоимость смены одного крана, умноженную на пять, поэтому я решил содрать с Аллы по-божески. Сама смета уже начала формироваться в моей голове в виде столбика соблазнительных цифр, и лишь голос бабки-тюремщицы вывел меня из блаженного состояния подсчета будущей прибыли.

– А вот там, – она гвоздила воздух своим скрюченным пальцем, – за тем забором живет заместитель генерального прокурора...

– Да-да, – рассеянно ответил я, – конечно...

Я совсем не слушал, что она говорила прежде. Бабка поняла это и надулась.

– Короче, чтобы никакого мусора и чтобы никто не шлялся по дачам. А не то я быстро всем автозак организую. Понятно?! – полоснула она меня по горлу своим вопросом, и сразу привиделись мне камера, стол с ярчайшей лампой, а за столом бабка эта, только, конечно, помоложе, перетянутая хромовой портупеей и с наганом на ремне. Ее «понятно» – это оттуда, из допросной ее биографии, когда стреляла бабка несчастных по темницам, будучи молодой бабой с садистскими наклонностями. Что за женщины идут работать в милицию? По-моему, это не женщины, а некий средний род. Все они в душе трансвеститы и втайне мечтают о яйцах и бицепсах, мечтают оказаться в мужском теле. Их при рождении наколола природа, вставив мужские души в женские тела. Бабо-менты куда как страшнее менто-сапиенсов, то есть мужиков. У всякого человека, словно у планеты, есть своя, персональная атмосфера. Она состоит из запахов, звуков и теплового излучения. Так вот, более страшные своей противоестественностью, жестокостью, цинизмом и какой-то особенной, ощущаемой в своей персональной атмосфере ущербностью, женщины-менты схожи с вампиршами, от которых надо улепетывать без оглядки.

Прораб, как он есть

1

«Их роман был скоротечным, подобно капле дождя, скользящей по ветровому стеклу авто». Такие или примерно такие фразы сплошь и рядом встречались в книжонках, которые читала эта влюбленная в меня, источающая последний сок любви, старая смоковница. Она была сентиментальна до умопомрачения и от этого казалась глупой и неуместной во всем, за исключением практичности. Деньги она любила, умела считать и поначалу была откровенно прижимиста, воистину отделяя мух от котлет. Наш роман, зародившийся в номере совковой гостиницы, чуть было не прервался в самом начале, когда, удовлетворив мною себя, Алла стала, наконец, выражать интерес к предмету куда как более важному для меня, нежели секс с ней. Я обстоятельно рассказал ей обо всем, что касалось предварительного этапа работ, и, покуда из уст моих не зазвучали цифры, она внимательно и даже благосклонно слушала меня, выражая свой интерес покачиванием головы и мимикой нижней части лица. Такова была ее интересная особенность: лицо словно разделяла пополам невидимая черта. Эта женщина никогда не шурилась и не морщила лоб. Сомневаюсь, что она когда-либо могла сделать это, но, быть может, это было результатом действия какого-нибудь препарата, который она решила попробовать на себе после того, как он чудесно помог одной из ее клиенток. Нижняя же половина ее физиономии, или «мордочки» (это было одно из ее любимых, доводивших меня до бешенства словечек), наоборот, была весьма активна. Алла выпячивала подбородок, складывала губки бантиком или вытягивала их в хоботок, и кончик ее носа подрагивал, словно клюв не крупной, но хищной птицы. Подрагивание носа означало у нее высшую степень накала страстей, к которым относилось, безусловно, и раздражение. Что это такое – ее раздражение, я впервые испытал после того, как извлек на свет составленную мною смету и начал озвучивать ее значения. Она постоянно прерывала меня раздраженными заявлениями «ах, как это дорого», а в ходе оглашения «приговора», то есть итоговой стоимости, ее вскрики переросли в настоящие вопли:

– Но почему же все так дорого, Слава! – спросил у меня ее подрагивающий нос, и подбородок едва не пригвоздил меня к стене.

– Все нет, Аллочка, – вложив в голос всю свою мнимую милую непосредственность, стараясь звучать без фальши, словно пианист Кисин, не имея права на ошибку, искренне ответил я. – Это самые низкие цены, какие только существуют на рынке, и притом они конечные, никаких подвохов тебя не ожидает. Это будет стоить для тебя столько, сколько я тебе сейчас сказал и ни копейкой больше. Я здесь ничего не зарабатываю. Говорю это сразу, чтобы ты не думала, что я хочу как-то тебя использовать. Нет-нет! Я давно в деле, у меня свои принципы, и я никогда не надуваю своих клиентов. Я просто надеюсь, что буду получать от тебя ежемесячную зарплату, вот и все, на что я рассчитываю.

– Зарплату? Вот как?!

– Но что здесь такого? Это общепринято! Если заказчик не хочет, чтобы его обманывал прораб, то он платит ему зарплату. Я бы и так не обманывал, но ведь я должен что-то получать за свой труд, не так ли? Речь-то идет всего о тысяче долларов в месяц и не более того. Сама видишь, у меня запросы вовсе не космические. Я адекватен и скромнен, как моральный кодекс!

Прораб должен быть актером и не только. Прежде всего он должен быть психологом высочайшей квалификации, определяющим потенциал и характер своей предполагаемой жертвы с первого взгляда. Он как именитый стрелок, выступающий на Олимпиаде и ни в коем случае не имеющий права допустить промах. Каждый выстрел в «десятку»! Так и у прораба: каждое слово должно вонзиться точно в сердце заказчика, там должен распухнуть пышный розовый

куст, и прораб должен внушить заказчику, что розы не имеют шипов и уколоться, а вернее сказать, «наколоться» здесь невозможно, так как все возможные риски берет на себя он, прораб. Помимо всего прочего он еще и великолепный психолог, который, мгновенно оценив, что за человек перед ним стоит, тут же начинает мимикрировать под него. Прораб-актер все играет с первого дубля, так как права на ошибку у него нет. Смотрите правило для стрелков выше: «каждый выстрел в «десятку».

– Гляди, что получается... – И я, не давая ей перевести дух, заставил ее погрузиться в постижение моей системы подсчетов, в которой она, конечно же, ни черта не понимала, но делала вид, что «рубит фишку», чем чрезвычайно меня позабавила. В мыслях я хохотал над ней, над ее глупой дурью, которую она старательно маскировала под маской ироничного недоверия. И маска эта держалась на ней очень плохо. Тоже мне «мадам Домино», мать ее! Я шестым чувством понял, что она уже никуда не сорвется, не соскочит, что я насадил ее на свой член словно безжалостный натуралист, пронзивший бабочку булавкой, и деньги у нее есть, и она с ними, пусть неохотно, но все же расстанется, несмотря на всю свою бургерскую, присутую толстожопым людям прижимистость. Чем больше у человека его жопа, тем сильнее он притянут к Земле, «приземлен». Женщин с короткими ногами и широкими, мощными задницами называют «низкосрущими». Быть может, это и так, но все коротконогонизкосрущие экземпляры весьма самостоятельны, практичны и подозрительны. «Развести» такого заказчика – верх прорабского искусства.

...Простите меня за небольшое отступление, вернее за мой поганый язык, за мой мерзкий нрав и подлую натуру. Но как иначе, нежели чем на примере отношения к венцу создания – женщине – мне доказать вам собственное злодейство, коварство и злобу, которую я отчего-то питаю почти ко всем людям. Моя злоба не распространяется лишь на мою мать, а всех остальных я тихо ненавижу и с удовольствием занял бы место Полпота или Гитлера, объявив войну всем вам. Причина? Нет никакой причины, и в то же время она есть, но она чрезвычайно проста и банальна, будто снег зимой: я Никто, и самое ужасное в том, что я Никто Завистливое. Осознание собственного ничтожества невероятно бесило меня. Я понимал, что достичь чего-то мне придется, идя по трупам, ведь примеров именно такого достижения успеха хватало вокруг. Успешность, которая тогда уже прочно вошла в моду, подразумевала отсутствие нежных симпатий к ближнему. Каждый человек воспринимался как потенциальный конкурент в борьбе за лучшую долю, и во мне тяга к успешности, требовательность к совершенству своего отсутствующего пока окружения была доведена до невероятного уровня. Я никогда не мог представить рядом с собой женщину с данными Аллы, для меня это было постыдно и унижительно. Я грезил о загорелых, стройных и ненасытных стервах, но вынужден был терпеть, стиснув зубы, понимая, что дорога в страну длинноногих стерв лежит через постели посредственностей, готовых за право казаться счастливыми самим себе платить таким, как я...

Уже находясь в конце своей прорабской проповеди, в качестве неубиваемого козыря, я показал ей два чертежа:

– Архитектор уже начал работать. Вот первые результаты. Только представь себе: оказывается, ему знаком твой дом, он заявил, что когда-то уже делал нечто похожее, и для него не составит особого труда повторить проект, ведь он остался у него в голове! Поэтому архитектор, добрая душа, сделает проект за половину обычной стоимости, всего за десять тысяч долларов (это и сейчас для многих астрономическая сумма, а тогда прекрасной зарплатой считалось пятьсот баксов в месяц).

– Господи! – Алла даже отпрянула от меня. Подбородок ее задрожал так сильно, что, казалось, она сейчас заплачет. – Десять тысяч! Десять тысяч за какие-то бумажки!

– Это вовсе не «какие-то там бумажки», – напустив на себя вид оскорбленного в лучших чувствах, мягко парировал я. – Это, Аллочка, основное. Без проекта я тебе дом не построю. Я же не могу «на глаз»... Спроси у кого хочешь, что значит проект. Спроси у своих клиентов.

Они все барыни и живут в палатах белокаменных да в резных теремах, а чтобы терем выглядел казисто, его сперва надо полностью нарисовать. Строитель, он кто? Он... – я задумался, – ... строитель и есть. Он чурбан, камень бесчувственный. Ему как нарисовали, он так и построит. А архитектор – это вдохновенный художник. У него каждый проект – это тот же живописный шедевр, только без рамы, а шедевры повсеместно не дешевы. У тебя же не щитовой садовый домик на шести сотках. У тебя там и ландшафт и окружение солидное, я же все подметил, все уловил, так сказать. Мы с архитектором советовались четыре часа, прежде чем он сделал два первых чертежа. Теперь ему надо аванс заплатить, а то он работать дальше не станет. Вдохновение всегда надо подкармливать, – со вздохом закончил я, весьма довольный переменами, произошедшими в ее лице. Конечно же, она еще немного покуражилась, инстинктивно обороняя свой карман, но я-то видел, что для себя она все давно решила...

– Ну так и что? Когда тебе нужны деньги? – немного надменно спросила она, тщательно скрывая под этой надменностью желание обнаружить мою алчность и то, что я, быть может, отвечу «чем скорей, тем лучше». И вот уж тогда (если бы я оказался таким дураком и сказал бы именно это), даже несмотря на наше недавнее сближение, Алла прониклась бы ко мне недоверием, и все бы тогда завершилось полным поражением. «Каждый выстрел в «десятку», – иначе чемпион проиграет. Я не проиграл.

– Это зависит от твоего желания. Погода позволяет, да и с хорошими рабочими сейчас проще, а то ведь в сезон их днем с огнем не сыскать. Всех разметут! Если сейчас начнем, то к осени сможешь отпраздновать новоселье! На этих чертежах первый уровень твоего дома – достаточно для того, чтобы начать рыть котлован, заказывать материалы и так далее. В общем я-то готов тебе помочь с этим делом. Ты только, пожалуйста, почаще...

– Что? – заинтересованно спросила она.

– Почаще вспоминай обо мне. – Я погладил ее по щеке, и она головой прижала мою ладонь к своему плечу, не выпускала. – Мне больше ничего не надо. Знаешь, я когда тебя увидел... Как ты голосовала утром там, на обочине, я очень испугался, что кто-то перехватит тебя раньше, чем я. Знаешь же, бомбилы народ бесцеремонный. Как хорошо, что твой «Фольксваген» забарахлил, а я проезжал мимо. Ведь правда? Хорошо?

После этого откровенно лживого выступления мне пришлось вновь заняться с ней делом, постылым для меня и сладким для нее. Именно в такие моменты понимаешь, что значит «сука-любовь»...

2

И вот на следующий день началось. Ранним утром я уже был возле ее подъезда. Ждать мне пришлось часа полтора, и я все это время дергался, переживал и успокаивал себя лишь тем только, что это не она опаздывает, а это я приехал так рано. Наконец они появились: Алла и ее муж, при взгляде на которого мне захотелось заблестеть козлом, намекая на его нынешнюю рогатость. Сдается мне, что при всей его любвеобильности по отношению к своим пациенткам и при всем его равнодушии по отношению к собственной супруге, это светило медицины все же испытал бы сильные чувства, узнай он, что вот этот самый молодой человек с широкой акульей улыбкой, выпрыгнувший из задрипанного автомобиля ему навстречу, вчера пошаллил с его благоверной. Ну, да черт с ними, с предположениями, ведь впереди у меня были только заманчивые пачки денежных купюр американского производства, и пачки эти вскоре появились в руках мужа Аллы. По ее бесстрастному лицу я понял, что должен сам «доубедить» этого заносчивого очкарика в собственной нужности, и я моментально избрал верную тактику: напустил на себя серьезный вид, внятно и разборчиво ответил на все его вопросы. Он чувствовал себя виноватым перед Аллой, поэтому был рад согласиться с ее выбором: чтобы хоть в чем-то потрафить ей, заглаживая свою вину. Да, все это тонкости, но их не стоит учи-

тивать лишь после провала, когда уже ничто не важно и все приходится начинать заново, а вот на формирование успешного финала тонкости порой оказывают решающее воздействие. Не зря бродяга-ветер думал поиграть со звездами. Сдается мне, что он свое желание как-нибудь да исполнил. Например, ему стало меня жаль и он нашептал тому созвездию, под которым я родился, что, дескать, неплохо было бы обратить на паренька внимание, нахаманить там чего-нибудь эдакого, чтобы он, то есть я, «поднялся».

А может, дело в другом. Может, этот успешный человек, передавая мне им самим заработанные деньги, вместе с ними передал мне часть своего везения? Фарт свой отдал? Может быть... В конце концов тогда меня эти мысли не беспокоили. Тогда я был рад той пачке банкнот, которая спустя мгновение после того, как я почувствовал ее блаженную тяжесть в правой руке, перекочевала в мой карман и приятно замерла совсем неподалеку от сердца. Деньги... Мои первые, настоящие. Деньги, большей части из которых предстоит стать моими, если я проявлю: бессовестность, бесстыдство, бессердечие, беспринципность, безапелляционность, бесславие и безбожие. И я проявлю все это, можете во мне не сомневаться. Вес денег перевесит любой вес в мире. Лишь деньги эквивалент всего, эквивалент самой жизни.

Они долго обсуждали со мной всякие детали, давали советы, спрашивали о чем-то важном для них и скучном для меня. Я знал, что впереди у меня поиск бригады орангутангов, беседы с угрюмыми крановщиками, сухомятка из придорожного магазинчика. Да, все то же самое, только ответственности прибавилось. Черт, и почему нельзя поднимать деньги с пола? Вернее, нет, не так (ведь для того, чтобы их поднимать, приходится наклоняться). А вот почему их нельзя просто брать со стола? И скидывать небрежным жестом в приоткрытый по такому случаю ящик...

Мгновенное видение, искра наития мелькнули передо мной и погасли. Я попрощался с надутыми мною в первый, но не в последний раз заказчиками и поехал по делам. Перво-наперво я прикатил на «черную биржу», как называлась и называется по сей день «точка» возле Ярославского шоссе. Здесь я быстро познакомился с узбеком по имени Дима-бригадир, и мы достигли полного взаимопонимания за распитием чайника зеленого чая в кунге списанного военного грузовика, который служил для Димы жилищем. Откуда взялся этот грузовик, я не стал расспрашивать, да и было все это не так уж интересно. Гораздо интересней было то, что Дима оказался опытным шаромыжником, знал, где добыть рабочих, и был готов выполнить свою миссию вербовщика моментально.

«Черная биржа» располагалась прямо на обочине шоссе, справа, если ехать из Москвы. Это была полоса земли шириной метров в пятьдесят и длиной в триста, вся сплошь уставленная какими-то сарайчиками, ларьками, постройками, автомобилями, и между всего этого сновали юркие вербовщики. Сами «кроты», или «рабы», как между собой вербовщики частенько называют рабочих, жались поодаль, сбившись в стайки, образовав приличную толпу. Некоторые грелись у разведенных костров, кто-то порой вставал и шел к сарайчику или к ларьку, чтобы купить хлеб или сигареты.

– Значит, говоришь, все с нуля надо начинать? – расспрашивал Дима. – Котлован копать? Фундамент заливать?

– Ну да. Только жить там негде. – Я вспомнил, что в моей смете есть графа «вагончик», и слегка поперхнулся чаем. – Хозяева люди экономные, не хотят бытовку покупать.

– Да херня. – Дима махнул рукой. – Доски купишь, они себе сколотят жилье.

– Ну да, – облегченно вздохнул я, поздравив себя с первой «оптимизированной» статьей расходов. Доски стоят ерунду, нужно их совсем немного. В любом случае на «вагончике» я уже круто наварился. Его стоимость в смете я указал такой, какова она есть на самом деле. Всякий хитрый прораб знает, что в смете некоторые позиции должны стоить столько, сколько они стоят на самом деле, и даже немного меньше, чтобы всегда можно было показать хозяину,

какой честный прораб ему достался. Вон как бережет хозяйскую копеечку! На всем экономит, все нашел дешевле, нигде лишнего не срубил. Святой человек!

Дима загрузил в кунг бригаду из шестерых узбеков. Публика эта была мне отличным образом известна: все зверского вида, настоящие головорезы, поджарые, скуластые: одним словом, потомки Чингисхана и все такое. Так мы и прибыли к воротам поселка МВД: бывший военный грузовик, набитый узбеками, а перед ним я на своей «девятке», что, между прочим, для девяносто третьего года считалось если и не супер-крутым, то уж, во всяком случае, не самым лоховским вариантом. Все пацаны тогда пересекали на «девятках» и «зубилах» черного и «мокрого асфальта» цветов, носили клубные куртки из Турции и кепки. Пацаны, которые приподнялись чуть повыше, то есть им уже повезло страсти с кого-то бабла единоразово, обзаводились длиннополыми пальто и поношенными «БМВ» – остроносими «акулами». Я, разумеется, часто встречал таких повсюду. Их было очень много тогда, этих случайных ловцов счастья, романтиков большой дороги, раздолбаев и отморожков с пистолетами. Я всегда смотрел на них, как на живых покойников, так как мне уже в двадцать лет было понятно, что всем им рано или поздно наступит конец. От пули, от гранаты, от наркоты, от водки, да просто от паскудной их, бандитской жизни. Во всяком случае, я был далек от пацанов, но идея «хапнуть» сразу и много, которая в начале девяностых годов двадцатого века носилась в воздухе и будоражила умы всех возрастных категорий, увлекала меня также и казалась соблазнительной границей, за которой воображение меркло и лишь понятно было, что тогда начинается совсем иная жизнь: настоящая, сверхновая, густая.

Стоял мороз, бабка-надзиратель долго не хотела открывать, и пришлось просить ее звонить Алле на работу, чего бабка делать тоже не больно торопилась, так как ей было охота поскандалить, и пришлось добрых полчаса выдерживать ее истеричные атаки. Я просто молчал, и узбек Дима, вышедший из кунга, встал со мной плечом к плечу и тоже молчал, порой с выражением среднеазиатской меланхолии поглядывая на бесноватую старуху. В конце концов ее буйство ослабло, и она уползла куда-то, а мы проникли за ворота.

Покуда я рыскал по окрестностям в поисках телефона, мечтая о мобильнике, обладание которым было тогда символом нереальной крутизны, так как стоил мобильник несколько тысяч долларов, покуда звонил откуда-то с поселковой почты по базам стройматериалов, на которых я за несколько лет своей начальной строительной карьеры успел приобрести кое-какие знакомства, узбеки сидели в кунге и терпеливо ждали. Вся их жизнь состояла из ожидания и работы, третьего было им не дано.

В течение двух суток я полностью обеспечил Аллину стройку материалами, которых должно было хватить на первый, «нулевой» этап. Тогда, в далеком девяносто третьем, строительных рынков было так мало, что их почти вообще не было. Все приходилось искать по базам, с кем-то договариваться, иметь полезные знакомства и так далее. От моей бывшей конторы у меня остались контакты различных мест, где торговали всякой строительной нужностью. Меня там почти не знали, но вот название моего, перешедшего в бандитские руки кооператива помнили хорошо. Поэтому мне не составило особенного труда попросить всех этих неулыбчивых, поджатогубых, прокуренных людей выписать мне чеки на ту сумму, которую я им назвал, и поставить печати в накладных. После того, как все материалы были на месте и мне оставалось лишь заплатить за пару десятков бетономешалок, которые должны были прийти еще не скоро, я уселся на каком-то ящике, вооружился калькулятором и стал подсчитывать свои барыши.

Здесь я вновь, уже в который раз сделаю маленькое отступление от своего бесхитростного рассказа, от полузастенчивой исповеди начинающего жулика и поясню все то, о чем я только что рассказал. Вот, значит, как все будет устроено, когда вы надумаете построить свой дом и наймете кого-нибудь вроде меня (хотя, разумеется, не такого интеллигентного и с виду порядочного парнишу: я никогда не был вполне «в формате» для прораба, иначе, уверен, Алла не клюнула бы на меня).

Итак, вам предоставят смету, в которую включают расценки на стройматериалы и стоимость работ. Все расценки на стройматериалы будут завышенными. Если же в вас опознают «прошаренного» в строительных вопросах чела, то в смете могут быть указаны реальные цены на материалы, но вы никогда не узнаете, каков размер скидки, которую ваш прораб получает в той фирме, где он собирается все это закупать. То есть когда вы доверяете покупке стройматериалов (а они совсем не дешевы, как и все, что имеет отношение к стройке) прорабу, то будьте уверены, что он заработает на этом в любом случае, или, как принято говорить, «по-любому». Кстати, «по-любому» – это, кажется, преферансный жаргон. А может, и нет. Да и черт с ним.

Примитивный прораб, тупой и приземленный тип, который встречается чаще всего среди украинцев, умеет только закупать все на рынке, где просит у торговцев вписать ему в товарный чек такую-то и такую-то завышенную им самим в алчном раже выдуманную сумму. Как правило, если его берут за мягкое, отборным салом накачанное место – этот парень начинает мямлить что-то вроде «ну там все так стоило», «я не знаю, шо там так все стоило», «шо-то там все вот так стоило» и нести прочую, недобросовестно сфабрикованную пургу. В начале девяностых из прорабов-«невозвращенцев», то есть тех, кто, покинув родные края, поехал жулить в Россию в надежде найти пару-тройку сладких лохов, самый высокий процент был как раз среди украинцев. Их убивали не потому, что они жульничали, их убивали потому, что невероятно бесила их тупая, непрошибаемая упертость. Жулик должен быть обаятельным интеллектуалом с легкой глазурью мизантропии и склонностью к анализу. Тогда он проживет долго и умрет своей смертью от стенокардии в возрасте семидесяти шести лет, и кишечник его расслабится, и те, кто будут обмывать его после смерти, вознесут свои молитвы наравне с хулой. «О, наш господин! И после смерти своей ты умудрился всем поднасрать, да упокоит тебя Господь на злчных своих пажитях, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

Да, воистину все, кто строится, наколбасив для этого незнамо где изрядное количество денег, при посредничестве прораба части этих денег навсегда и в безвозмездном порядке лишаются. Наварившись на стройматериалах посредством завышения цен в смете, прораб элементарно покупает их меньше, чем нужно, и потом, когда раздосадованный непомерными тратами заказчик вопрошает, почему же «не хватает», то прораб лишь разводит руками и говорит что-то вроде «Чего же вы хотели? Это стройка. Здесь никогда нельзя учесть всего». Или же есть еще один способ, когда в смете заведомо указывается завышенное количество материалов, а излишек элементарно тырится. В Аллином случае я не мог поступить таким образом, ведь я все еще не знал, что именно я буду строить. Кстати, я сполна получил деньги за курсовик Рубена, доставшийся мне бесплатно, и, по мере того, как я с азартом игрока в игровые автоматы, нажимал на калькуляторе кнопку «плюс», глаза мои увлажнились от умиления, а мошонка волнительно сжималась, ведь никогда еще я не держал в руках такой внушительной суммы. В смете, в графе «работы», мною, как и положено, был учтен каждый чих, каждый пук, каждый ик и каждый чес. На самом деле ни за какие мелкости я рабочим не платил. Вот, например, смета на фундамент, многие пункты в которой – плод моего собственного творчества:

- «земляные работы комплексные»,
- «земляные работы специальные»,
- «гидродренаж котлована»,
- «трамбовка дна котлована»,
- «укрепление стенок котлована»,
- «подготовка материала опалубочного»,
- «подготовка арматуры»,
- «бетонирование арматуры»,
- «вязка арматуры»,
- «сборка опалубки комплексная»,
- «залливка бетона товарного»,

- «разборка опалубки»,
- «гидроизоляция по бетону»...

И еще какая-то хрень. На деле же я плачу рабочим лишь за кубический метр залитого ими бетона. Они заливают вручную, корячатся, надрываются, а я пишу в смете, что при заливке фундамента используется бетононасос, и кладу себе в карман стоимость услуг этого самого насоса, якобы работавшего. А это, между прочим, немало: пятьсот долларов. Кубический метр бетона вместе с работой обошелся Алле в сто пятьдесят долларов, рабочим я уплатил пятьдесят, остальное зажулил. На бетоне я ее тоже нагрел. Самого бетона при этом фактически пошло на фундамент двести тридцать кубометров, а в смете я указал триста двадцать! Вот так, худобедно, за какие-то считанные дни я из забитого жизнью нищего, уволенного супервайзера стал обладателем немалого для того времени состояния в размере шестидесяти тысяч долларов, и это при том, что строительство дома еще даже не начиналось! Расслабленный и оглушенный, не верящий своему счастью, я сидел на ящике, смотрел на цифру в калькуляторе и блаженно покуривал. В моей голове роились мысли одна смелее другой. На что истратить такую кучу денег? Купить новую машину? Купить квартиру? Купить... Но я решил ничего не покупать. Я решил подождать, а чего, я тогда и сам толком не знал. Просто сработала интуиция и вера в приметы: никогда не распускай по ветру свои первые серьезные деньги. Потому, что деньги всегда к деньгам. Используй свой первый капитал, пуская его в рост, делай на него дело. Так делают все евреи, надо брать с них пример. Иначе, если ты банально профукаешь деньги на разные сомнительные удовольствия, то сто к одному, что второго случая прихода больших денег может и не быть. Они обидчивы, они имеют свой характер, они любят липнуть друг к другу, эти чертовы, милые, любимые деньжата, денежки, деньжульки.

3

Работяги сколотили себе жилье из неструганых досок. Узбек Дима, получив из моей неохотной руки то, что причиталось ему как вербовщику, сел в свой милитаризованный грузовик и уехал. Я купил работягам жратвы и рассчитался с электриком, который провел в вагончик лампочку Ильича и установил пару розеток.

– Не сторите. Я все на совесть сделал, – добродушно пфукал электрик в пышные усы, оказавшиеся у него случайно, так как известно, что электрики в своем подавляющем большинстве вовсе не носят ни усов, ни бороды. С чем это связано, я не знаю, по всей видимости, отсутствие растительности на их лицах – это своего рода внешняя примета их цеха, как, скажем, у панка его ирокез, а у обиженного на весь свет эмо – челка, ниспадающая на ключицу.

Мне, после всех этих манипуляций, оставалось самое важное. Я должен был разметить участок, нанести на него контуры будущего дома. Сделать это с помощью веревочки, именуемой на строительном жаргоне шнуркой. Я сомневался недолго. Никакой альтернативы курсовику с ошибками у меня не было, да теперь уж и быть не могло, ибо настоящая цена такой работы, как рассчитать проект с фотографии, да еще в исполнении известного архитектора, потянула бы на астрономическую сумму. И это еще при условии, что нашелся бы кто-то такой, кто взялся бы за нее. Я высоко поднял руку и, произнеся зачем-то фразу: «Все равно в жопе одна дырка», резко ее опустил, что должно было бы означать молитвенный ритуал перед нерукотворным Русским Авосем – покровителем всех раздолбаев, троечников и еще великого множества самых разных людей, привыкших в своей жизни делать если и не все, то, по крайней мере, некоторые вещи с мыслью «Авось пронесет». Авось (а я верю в то, что это один из несмытых волной истории дохристианских славянских идолов, превратившийся, после крещения Руси, в демона) в состоянии устроить вам такой «пронес», заставить вас так обпоноситься, что запах результатов вашего увлечения поклонением Авосю будут мерещиться вам всю вашу жизнь. Уж по крайней мере в те ее моменты, когда вы решите что-то вновь сделать с надеждой,

что «вдруг проканаает». Я был очень молод тогда и не мог еще вообразить себе, что все в жизни, даже появление в ней Авося – явление предопределенное, но тогда, повторяю, деваться мне было некуда. И я начал. Выбрал из работяг одного более или менее смышленного с виду себе в помощники, и с ним мы, как чеховские землемеры, довольно споро наметили колышками с привязанной к ним шнуркой линии основания коттеджа, о конечном виде которого никто не имел ни малейшего представления. Закончили мы свою работу при глубоких сумерках.

– Завтра копать начинайте, – наказал я смышленому с виду узбекскому пролетарию.

– Копать, – повторил он. – Много копать нужно.

– Вот и давайте. Чем быстрее, тем лучше, – с нетерпением проговорил я, готовый уже сесть в машину вместе со своим «стартовым капиталом», но хитрый пролетарий стал говорить что-то насчет экскаватора, и я слегка приуныл. . .

Когда рабочий начинает рассуждать о том, что неплохо было бы сделать то или это, и при этом он, рабочий, будет стоять в сторонке и смотреть, как работает (за мои деньги) железный монстр с ковшом, это никуда не годится. Такого рабочего охота ударить лопатой много-много раз. Но отказать рабочему – значит лишить его мечты. Украсть надежду на то, что у него получится немного схалюпать. Никто не заслужил того, чтобы у него крали его мечту. Даже российская футбольная сборная вправе мечтать о том, что когда-нибудь она попадет в финал чемпионата мира! Она, черт бы меня побрал, даже вправе мечтать о выигрыше, пусть и с минимальным преимуществом! Поэтому лучше в таком случае применить врачебную практику общения с безнадежным больным и пообещать, что все будет хорошо.

– Вы начинайте, а потом будет экскаватор, – с широкой улыбкой наврал я пролетарию, и тот поверил (можно подумать, что ему оставалось что-то еще в этой жизни, кроме как верить обещаниям таких пронырливых мерзавцев, как я) и дружелюбно махнул мне на прощанье. На фоне полутемного неба его пятерня показалась мне искалеченной куриной лапкой, все еще, впрочем, способной к тому, чтобы держать лопату. Каждый в жизни идет той дорогой, которая выбрала его, начиная с рождения, и если ты должен копать, то ты будешь копать.

4

Вновь та же гостиница, в которой на нас смотрели с бесцеремонным пониманием, и та же кровать, и та же блеклая чайная роза – женщина на этой кровати. Стонет и воет надсадно, получая от меня резкие укусы любви. Во второй раз я вполне уже свыкся со своей ролью полуавтоматического удовлетворителя и работал, как станок с программным управлением. Некая такая попытка описания любовных утех производственным языком, не так ли? Чем-то напоминает песенку Тристана из фильма «Собака на сене»:

Приглянулась мяснику блондинка,
«Ах, – сказал, – отличная грудинка!»
А потом сказал смелей:
«Замечательный филей»...

. . . Так и повелось: немногие светлые осенние часы я проводил на стройке, а вечерами мне приходилось удовлетворять мою стареющую благодетельницу. И если в ней с каждым нашим часом, с каждой совместно проведенной секундой разгоралась страсть, крепло омерзительное, самоцье вождление, то легко понять, что внутри меня все происходило с точностью наоборот. Я ненавидел в ней все: ее пальчики, ее короткие, полные пальчики с длинными, квадратными ногтями. Ее уже дряблые выше локтя руки, всё ее, долго и неаккуратно ношенное ею тело. Она брила лобок, и это было смешно и похоже на щипаную курицу. Ее груди венчали маленькие, совершенно мужские соски: почти без ореола, крохотные, словно обрезанные верхушки пипе-

ток. Именно они вызывали у меня особенную неприязнь, я избегал смотреть на ее соски, я никогда не прикасался к ним пальцами, а уж тем паче языком. Им мне приходилось орудовать внутри щипаной курицы, так как Алла особенно ценила «куний лиз» (так однажды кто-то при мне забавно переврал слово «куннилингус»). Куний лиз...

Она любила уменьшительно-ласкательные названия, и из всех любимых ею уменьшительно-ласкательных названий самым любимым ее было слово «штучка». Она, должно быть, находила очаровательно милым называть мой член «штучкой», она называла «штучками» презервативы, и часто, в момент своего исступления, она вдруг на какое-то мгновение совершенно менялась, прекращала плаксиво стонать и просила:

– Одень, пожалуйста, штучку, милый. – Она называла меня «милый», а я в ответ хотел назвать ее каким-нибудь грязным, оскорбительным, уничтожающим словом, и каждому ее «милому», произнесенному ею в порыве страсти, соответствовало мое, мысленно произнесенное в ее адрес проклятье.

Однажды она заявила, что не намерена больше встречаться со мной «в этих отвратительных номерах», и, вытащив из сумочки ключ, серебристый ключ на длинной цепочке с брелком в виде Эйфелевой башни, она покачала им перед моим носом. Я вел ее «Фольксваген» и, не отвлекаясь от дороги, спросил, что это за ключ.

– У тебя нет никаких предположений на этот счет? – «загадочно» спросила она, благодарная мне за мой вопрос, за то, что я подарил ей возможность преподнести мне сюрприз не молниеносно, а именно так, как любят это делать те, кто потратил на сюрприз кругленькую сумму. Поэтому не верьте, что кто-то совсем уж искренне любит делать подарки. Таким людям непременно надо видеть вашу искреннюю радость, ваш восторг, только тогда они насытятся и подарят вам еще что-нибудь.

– Теряюсь в догадках, Аллочка. Что же можно открыть этим ключиком? Каморку папы Карло? Но он вроде не золотой. («Да и ты все же не совсем похожа на Тортиллу», – добавил я про себя.)

– Да, да! Каморку! – восторженно рассмеялась она. – Именно каморку! И, заметь, довольно комфортную! Поезжай на бульвары, сверни за «Современником» направо, и ты ее увидишь!

– Неужели ты... Сняла нам квартиру?!

Я, разумеется, давно понял, для чего предназначен чертов ключ, но виду не подал, сыграл безупречно. Квартира и впрямь оказалась неплохой и даже понравилась мне. На мгновение у меня мелькнула шальная мысль, «а что, если поселиться здесь», но Алла тут же, словно услышав мои мысли, сказала, что она сняла эту квартиру специально для наших свиданий и более ни для чего другого. На «ни для чего» она сделала особенное ударение, весело глядя мне в глаза:

– Это наше тайное убежище, наш грот, наша пещерка, о которой никто не знает и никто никогда не узнает. Я не хочу, чтобы здесь бывал кто-то еще, – не сводя с меня глаз, медленно проговорила она.

– С чего ты взяла, что здесь может бывать кто-то еще? – немного смущенно спросил я. – Ведь ты не считаешь, что я мог бы...

– Что, милый? Что я не должна считать? Что ты хотел бы поселиться здесь и водить сюда в мое отсутствие своих маленьких шлюшек? – Она рассмеялась и, видя, что я собираюсь ответить, жестом показала мне, чтобы я помалкивал.

– Скажи-ка мне, милый, умный, проворный мой мальчик, ты считаешь меня старой влюбленной дурой?

– Алла, как ты? Как у тебя язык поворачивается? Как ты можешь мне такое говорить?! – вскричал я и почувствовал, как предательски покраснела моя физиономия. Впрочем, эту реакцию всегда можно толковать двояко, и я попытался избежать правильного толкования.

– Я и в мыслях не имел ничего подобного! – выпалил я и напустил на себя обиженный вид. Она тотчас стала ластиться, что-то замурлыкала в извинительной тональности, прижалась ко мне. Мы стояли в коридоре, и она повлекла меня в спальню (квартира была двухкомнатной). Здесь она быстро разделась до кружевного французского исподнего и прыгнула в разобранную постель.

– Иди ко мне, Славочка. Смотри, совсем свежее, новое постельное белье. Я еще сегодня днем привезла из дому. На нем никто никогда не спал, – быстро проговорила она, предупреждая мое недовольство оттого, что, быть может, об эту простынь терся своими яйцами ее муж. – Ложись. Давай просто полежим обнявшись.

Она лежала на животе. У нее была на удивление крепкая спина: очень сильная, с выступающими «столбами», проходящими параллельно позвоночнику. Спина крестьянки, колхозницы, таскающей снопы соломы или молотящей зерно тяжелым железным цепом. Она болтала ногами, и «столбы», словно поршни механизма терминатора, ходили в такт ее движениям: вверх-вниз, вверх-вниз. Хотите верьте, хотите нет, но это зрелище подействовало на меня завораживающе, и я положил руку ей на спину, провел от поясницы до шеи, погладил. Так гладят кошку, собаку. Так можно гладить и двуногого зверя – человека, ему тоже будет приятно. Я ожидал, что она перевернется, но вместо этого она неожиданно спросила:

– А ведь ты совсем ничего обо мне не знаешь. Я никогда ничего тебе не рассказывала. Хочешь, расскажу, как я потеряла девственность?

– Хм... – неоднозначно промычал я.

– О! Да ты ревнивец! Обожаю тебя! – Она перевернулась, глаза ее блестели так, словно у нее поднялась температура. – Послушай же, это интересно!

– Черт... – уже более конкретно выразился я и кивком сообщил ей, что приготовился слушать.

– Я тогда торопилась на поезд. Нет, не так. Зачем я начала с поезда? Я приехала в Горький к своему отцу. Он там жил достаточно долго, с тех самых пор, как они развелись с мамой. Я же из семьи наполовину творческой, наполовину докторской, а так не бывает, и союз моих родителей был обречен с самого начала. Я всегда говорю, что у меня два отца, потому что они оба меня воспитывали. Мой родной папа после развода уехал к себе на родину. Он сам из Нижнего, вот и вернулся, работал там в больнице главврачом. И однажды очень сильно заболел, позвонил мне и сказал только одно слово «приезжай». А мне тогда было семнадцать лет уже, я первый курс почти закончила. И вот я к нему приехала, а он при смерти лежит. Блядь! Я не могу...

Мне наплевать было на все ее откровения, но не настолько, чтобы просить ее заткнуться, чего я при всем желании сделать, конечно же, не смог бы. Так что выхода у меня не было, и я с сочувствием провел рукой по ее животу, почувствовал, как в нем забурчало, и тут же прекратил.

– Если не хочешь, то не рассказывай.

– Нет-нет, все хорошо, что ты! Уже столько времени прошло...

– Слушай, ты говоришь, тебе уже было семнадцать. Что же получается, что у тебя никого до тех пор и не было, что ли? Ты ни с кем в семнадцать лет не трахалась еще?

У Аллы было удивительное свойство – ее лицо мгновенно изменяло выражение и было лицом тысячи гримас. Казалось, что оно могло выразить любой оттенок состояния вплоть до крошечного эмоционального нюанса. Губы ее вытянулись в хоботок, похожий на школьный макет цветочного пестика, все лицо приобрело выражение гротескной робости, глазки забегали.

– Ну, как тебе сказать. Есть же всякие другие способы, мгм...

Это «мгм» она добавляла повсюду. Оно служило ей эквивалентом вопросительного «не так ли?» и еще в тысяче других случаев.

– Так вот, – продолжала она, – мы с ним, значит, поговорили, он меня все за руку держал, а я долго задерживаться не могла, у меня там сессия, экзамены какие-то оставались. Я у него два дня прожила и уехала. Представляешь, а он на следующее утро умер. Представляешь?! Я уехала, а он умер! У меня был вечерний поезд, я вышла от папы, глянула на часы и вижу, что скоро поезд, опаздываю, надо тачку ловить. И вот я стою, у меня слезы на глазах, руку вытянула и голосую. Останавливается машина, я в нее сажусь, а дальше я вообще плохо что-то помню. Я вообще не понимаю, зачем я к нему села.

– К кому села? – несколько потеряв нить рассказа, спросил я.

– Ах, да к этому водителю! – дернулась Алла, выражая свое негодование от того, что я не понимаю. – У него все пальцы были синими, представляешь?! Вот бы мне, дуре, сразу-то и выйти, а я затянула, понадеялась на что-то. Там мост есть по дороге, а было уже очень темно, и я увидела, что он меня везет туда, вниз, под мост...

– Завез?

– Да. И он меня под него завез. Я пробовала говорить, что у меня сифилис, но ему было все равно. Он мне, конечно, не поверил. Не похожа я была на такую... с сифилисом-то. Тогда я ему предложила, что могу пососать, но он мне вот так (она аккуратно взяла себя за кадык тремя пальцами, оттянула кожу) сдавил горло, и я поняла, что ну его на хрен и лучше раздеться.

– И как все было? – сдерживая зевоту, спросил я. Мне было противно, я устал, и мне хотелось есть, и я злился, что приходится слушать эту ахинею, эту никчемную исповедь старой тетки, годящейся мне в матери.

– Ну... Было как-то... Потом он меня довез до поезда и попросил телефон.

– А ты?

– Знаешь, я всегда в таких случаях даю... – 45–38. Мне тогда было все равно, лишь бы живой оттуда убраться.

– Э-э-э...

– Что такое?

– Да так...

– Но тем не менее? Что-то случилось? Я же вижу. По глазам твоим вижу. Ты ревнуешь? Прекрати сейчас же, гадкий мальчик. Иди ко мне.

И мне вновь пришлось делать это на голодный желудок. Сейчас, вспоминая то время, я думаю, что все, чего бы мне хотелось попросить у времени обратно, так это мою безграничную, никак не связанную с эмоциональным состоянием потенцию. После очередного соития она заявила, что ей очень хочется принять душ, а я могу попасть в холодильник.

– Я целых два дня приводила эту квартиру в порядок. Заказала уборку, привезла белье и забила холодильник продуктами, – удаляясь в ванную, сообщила она. – Я знаю, что ты любишь мясо. Там есть котлеты, колбаса, окорок, все что хочешь.

Зашумела вода. Я вышел в коридор, осмотрелся. Квартира в старом доме, планировка обыкновенная: в длинный коридор выходят двери комнат, туалета и ванной. Заканчивается коридор кухней. На тумбе в раздевалке, рядом с телефоном, лежала сумка Аллы, она была открыта. Я еще немного послушал, как шумит вода, и сделал шаг, другой, третий, протянул руку и аккуратно проник в чрево сумки. Пальцы встретили связку ключей, какие-то тюбики и пузырьки, наткнулись на синтетическую щетину расчески, на миг задержались на шлифованных аллигаторовых пятнах кошелька и встретили целую кипу каких-то бумажек. Ничего интересного. Я вытащил руку и, соблазненный идеей удовлетворения желудка, собирался было пойти на кухню, но вода все еще шумела, и я вновь занялся сумкой, теперь уже основательно: двумя руками раскрыл ее и заглянул внутрь.

К кошельку я не притронулся, усмехнулся, заметив новую пачку «штучек», вытащил перехваченную резинкой пачку бумаг и, не забывая слушать шум воды, стал просматривать их. Все это сплошь были приходные банковские ордера Сбербанка на крупные суммы и все были

выписаны на Аллу или на ее мужа. Их было так много, что у меня зарябило в глазах. Хотя больше даже не от их количества, а от сумм, которые в них фигурировали. Не осознавая еще, как это сможет мне пригодиться, я присвоил один из ордеров, затолкал остальные в сумку и встретил Аллу, сидя за кухонным столом в обществе тарелки с разогретыми полуфабрикатами и чайника. К счастью для меня, она ничего не заметила и не услышала.

Воистину, те, кому суждено умереть неожиданно, не знают об этом. Звучит выпренно и даже канонически, но, тем не менее, так оно и есть. Те, кому суждено умереть до срока, любят только то, что в состоянии их разрушить. И относится это как к вещам неодушевленным, так и к таким коварным говнюкам, как я.

Сколько стоит милосердие

1

Моя мама, моя старенькая любимая мама всегда понимала меня. Когда она увидела, что я сижу за столом на кухне, а передо мной стоит бутылка водки, то она не стала устраивать всей этой тревожной суеты и скандала, что обычно предпочитают делать неумные женщины, вместо того, чтобы разобраться, отчего эта самая бутылка вдруг появилась. Она лишь спросила: «Что-то случилось?», и я кивнул в ответ, а так как был уже немного пьян, то не постеснялся выпить еще и в присутствии матери, чего раньше себе никогда не позволял. Я вообще-то не большой любитель этого дела, но после всего, что произошло...

– Да, мам, случилось.

– Хочешь мне рассказать? – Она мягко присела рядом и так же мягко, почти неуловимым движением, убрала початую бутылку со стола.

– Даже и не знаю, как это будет для твоего сердца, мамочка, – неуверенно начал я, – просто я столкнулся с такой подлостью, с таким цинизмом! Я раньше и подумать не мог, что такое вообще существует.

– Много чего существует, – вздохнула мама. – Ты ведь только жить начинаешь, познаешь мир. Деревья тебе уже перестали казаться большими...

– Давно... – пьяненько кивнул я в ответ.

– А то, что делают некоторые люди, иногда кажется выше самых высоких и неприступных вершин. Как в плохом, так и в добром.

– Это точно, мам, неприступных. Другим такие нипочем не покорить.

– Так ты расскажешь мне?

Я покачал головой:

– Знаешь, мам, давай не теперь, давай утром. А то я, видишь, вот, выпил и наговорю еще, чего на самом деле не было. Знаешь, просто жизнь мне моя, такая вот, надоела. Стройка эта чертова, грязь, работяги эти... Они ведь как звери, мам. В них инстинкты животные: пожрать, почесаться, порыгать, поржать над тупой шуткой и, главное, страх! Они ведь всего, абсолютно всего боятся! Они меня боятся. А я кто такой? Я же вообще никто, мам. Мною одна старая кошелка удовлетворяет свою разбушевавшуюся в старости дыру! Вот все, чего я достиг! Где бутылка, дай я еще выпью!

На мамином лице появился ужас, но она замаскировала его, как могла. Уговорами, поддерживая меня, пьяненького, под руки, проводила в комнату, где на стенках висели вырезанные из журналов фотографии перекачанных анаболиками евнухов и длинноногих фей в узких купальниках. Уложила меня на кушетку, служившую мне верой и правдой с незапамятных времен, стащила с меня брюки и рубашку и аккуратно повесила все это на спинку стула, укрыла меня одеялом, села рядом и погладила по голове:

– Спи, мой маленький зайчик. Завтра утром все забудется...

«Мама, мамочка, ничего утром не забудется. Не может такое забыться, не забывается». Проваливаясь в забвение пьяного сна, я пролетел слой воспоминаний о случившемся после того, как я покопался в Аллиной сумке...

...Та бумажка, что я стащил у Аллы, покоилась на дне кармана моей куртки. Алла хлопотала на кухне, по ее словам, «обживала гнездышко».

– Я обожаю хозяйничать, – заявила она. – Ты себе не представляешь, насколько приятно женщине готовить для любимого человека.

– Если бы умел готовить, то представлял бы, – неудачно сострил я, чем вызвал ее смех.

– Нет, нет! Вы, мужики, созданы для другого. Вы совсем по-другому чувствуете. Ну, как сказать? Более грубо, наверное. Вот ты еще такой молодой, а душа у тебя уже роговеет. Разве не так?

– В каком смысле? Что значит «роговеет»? – не понял я.

– Покрывается коркой, не пропускающей романтические лучи, – пояснила Алла. – Вот я и сейчас по глазам твоим вижу, ты считаешь, что я только что высказала какой-то идиотизм. И пожалуйста, не отнекивайся! Ведь так? Ведь я права?

– Нет, не права, – насупленно ответил я ей, хотя, конечно же, считал именно так.

– Знаешь, а ты неплохо умеешь лгать, – вдруг совершенно иным, задумчивым голосом произнесла она, приложив пальчик к нижней своей, узкой губе (впрочем, и верхняя губа у нее была узкой). – Совсем неплохо. Я не знаю, сейчас я это поняла, или мне уже давно так казалось.

И, не обращая внимания на мое протестующее мычание, она сказала:

– Знаешь, ты мог бы достичь гораздо большего, начни ты работать на меня.

Я с недоумением уставился на нее:

– А я разве уже на тебя не работаю?

Она передернула плечами, фыркнула:

– Разумеется, но разве это работа? Это же все временно. Ну, построишь ты этот дом и что? Что дальше-то? А помимо того ведь можно совмещать одно с другим, не так ли? Не торчишь же ты, в самом деле, на моей стройке с утра до ночи?!

– У меня может появиться еще несколько объектов, – неуверенно ответил я. – Тогда свободного времени вообще не останется даже на наши встречи...

Она ударила кулачком по столу, да так сильно, что подскочили тарелки, она была в ярости:

– То есть ты только и думаешь, как бы тебе от меня избавиться, да? – Она перегнулась через стол и смотрела на меня вплотную, и глаза у нее были словно у змеи: желтые, с вертикальными зрачками. Знаю, что таких глаз не может быть у человека, но в тот момент мне именно так показалось.

– Кто я для тебя?! Старая кляча?! – Она отпрянула, мешком опустилась на стул, уронила голову на скрещенные на столе руки, бесслезно взвизгнула: – Развратная старая кляча! – и затихла, лишь спина ее немного подрагивала, из чего можно было понять, что Алла все же умеет плакать.

Я подошел, принялся ее успокаивать... Лишь позже, после того как мне довелось отнести ее в кровать и вновь выполнить насилие над самим собой, у меня как будто получилось окончательно ее успокоить. В какой-то момент, когда там, в пределах кухни, бушевал ураган ее истерики, я по-настоящему испугался, что она может прогнать меня, и тогда прощай надежды и мечты на светлое, независимое будущее. Но после ебли все уже было спокойно и я гладил ее живот (ах этот дряблый живот!) и прикасался к мокрому лобку, от чего по всему ее телу проходили судороги. Алла медленно «отходила» после соитий, и, кстати, мне это нравилось.

...Помните, я некоторое время назад разглагольствовал насчет ожиданий людей, сделавших подарок? Человек, подаривший что-то, хочет получить обратно сдачу в виде бурных проявлений благодарности. Мой нынешний посыл специально для женщин, которые имитируют оргазм. Дорогие! Если вы делаете это, то будьте же абсолютны в своем желании обвести вокруг пальца самца, который не удовлетворяет вас физически, но вполне в состоянии удовлетворить вас материально. Не только симулируйте оргазм, но и как можно дольше тряситесь после того, как все уже закончено и его сабля покинула ваши ножны. Говорите нечленораздельное «ах», вздыхайте, вообще дышите, словно загнанная лошадь, дайте простофиле понять, что это он едва не загнал вас и довел до полубоморочного состояния. Потом, отдышавшись, скажите, что страшно проголодались, так как он всю вас выпил, и спросите, с чем именно он предпочитает бутерброд, который вы собираетесь для него сделать. Вас будут носить на руках. А оргазм не

главное в жизни. Можно и пальцами там пошуровать, на худой конец, после того, как приготовите бутерброд и запретесь в туалете...

– Прости меня, я тебя не понял. Знаешь, я постоянно думаю об ответственности, которая на мне лежит. Ведь я строю дом не просто заказчику, я строю дом любимому человеку и не могу, не имею права сделать ошибку.

Она приподнялась на локте:

– Правду говоришь?!

– Я не имею привычки шутить такими вещами, Алла. У меня никого нет кроме тебя. Почему ты так не уверена в себе, в своей красоте? Ты прекрасная женщина, и этой своей «клячей» ты оскорбляешь не только себя, но и меня тоже. Я в тебе вижу ангела, дивного эльфа, богиню, а ты... Ведешь себя, как закомплексованная дура.

– Да, да, конечно, ты прав. – Она торопливо вытирала со щек мелкие, словно бисер, слезы и шмыгала носом. – Забудем об этом сейчас же. Я действительно расклеилась. Ведь я тоже люблю тебя, Славочка. Ох, как люблю! Солнышко мое!

И она произнесла все эти словечки, исторгла все эти вздохи, извергла всю эту пошлейшую чепуху, которая кажется таковой в ситуации, когда тот, на кого вся эта чепуха направлена, не любит и воспринимает чепуху именно как чепуху, а вовсе не как любовное, ласкающее слух воркование.

– Что же ты хотела мне предложить? – подлив еля в голос, спросил я. – Учти, что я, со своим строительным образованием, не больно-то гожд для чего-нибудь еще, кроме как командовать оравой тупых болванов и указывать, каким узором им лепить плитку и как именно укладывать черепицу. Я надсмотрщик над рабочими муравьями! Вот такая аллегория... И потом – я молод и...

– Славочка. – Она лукаво посмотрела на меня, и мне даже на миг, только на миг показалось, что она внезапно сделалась моложе, так много было в ее взгляде того отчаянного задора, который появляется только в молодости. – У тебя такие способности, что ты вполне мог бы стать прекрасным специалистом в индустрии милосердия. Моя женская интуиция подсказывает, что здесь бы у тебя хорошо пошло. Грех зарывать талант в предрассудки, – загадочно закончила она и бросила на меня еще один, теперь уже лишенный лукавства, наполненный трезвым, практичным вниманием взгляд.

– Алла, я перестал понимать тебя еще на прошлой остановке, – постарался отшутиться я. – При чем тут «милосердие»? Ты хочешь предложить мне вступить в армию спасения, или возглавить профсоюз бомжей, или...

– Да нет же! – Она соскочила с кровати и ринулась на кухню, откуда все сильнее начинал доноситься запах пригорелых котлет. – Вот черт возьми! Чуть было не сгорели! – услышал я ее отдаленный голос. – Еда готова! Ты идешь?

– Иду, иду, – тихо ответил я, заворачиваясь в полотенце и с отвращением чувствуя, как мой невымытый член, высыхая, все больше становится похож на глазированную конфету.

Я ел с аппетитом, глотая большие куски котлет и загребая пюре. Ножом я не пользовался, так как никто никогда не учил меня этому. Алла же, напротив, ела очень аккуратно: она отрезала по маленькому кусочку и нереально долго пережевывала.

– Ты все время так торопишься, когда ешь! Это вредно, – заметила она.

– Комплекс строителя, – промычал я с набитым ртом. – Ешь от случая к случаю и стараешься набарабаниться сразу и впрок. Так что там насчет милосердия? Ты знаешь, Алла, мне кажется, что сейчас, когда на носу гражданская война, людям как-то не до милосердия вовсе...

... Совсем недавно отгремели выстрелы возле Белого дома в центре Москвы, схоронили мертвых в общих могилах, а в стране окончательно воцарились: маразматик Ельцин, феодальный беспредел и симулякр демократии. Люди мало-помалу начали возвращаться к нормальной жизни, но милосердием что-то особенно не пахло. Повсюду были очереди, инфляция в

сотни процентов, шмонающие всех омовцы и, вдоль оживленных улиц, «обжорные ряды»: торговля с рук всем чем ни попадя. Нет, положительно, милосердие в этой стране было понятием чуждым и раздражало. И вообще, как говорил Глеб Жеглов: «Милосердие – поповское слово»...

– Понимаешь, все дело в том, что сейчас время лохов и ловцов. Лохи потому и лохи, что они всю жизнь будут отдавать свои деньги ловцам. Просто это такая порода людей. Они подают нищим, думая, что так угодно какому-то там Богу. Они подают нищим, сами по сути являясь нищими, а нищие, которым они подают на улице, – это, как правило, профессиональные ловцы с хорошим финансовым состоянием. Какая разница, чем ты зарабатываешь? Главное, что ты зарабатываешь, я так считаю. Нас всех высрала мать-природа для того, чтобы мы здесь выживали. Милосердие свойственно человеку так же, как потребность в сексе. Без секса можно прожить? Нельзя. Хоть рукой, но ты все равно станешь удовлетворять себя, даже сидя в одиночной камере. Ну, этого-то никогда не произойдет, – заметив мой испуганный вид, сказала Алла, – все законно. Знаешь, ведь есть маленькие, страшно больные дети. Им требуются множественные операции, каждая из которых стоит огромных денег. Родителям ребенка, как правило, невозможно собрать даже часть этой суммы, и тогда начинается сбор пожертвований. Фотографии несчастного бэбика помещаются везде, где только можно, надо только, чтобы мордочка у него была самая страдальческая, а под мордочкой волнительные слова: «Я умру, если вы не поможете. Я не хочу умирать. У мамы нет денег на мою операцию. Подарите мне право жить», ну и так далее. И лох, видя мордочку и читая волнительные слова, не выдерживает и раскошелливается. Тем более что все данные, куда и как ему поскорей перевести деньги, есть внизу, под волнительными словами, и довольно крупно напечатаны. Каждая цифра видна. Все через банк, все официально. Нужен ловец для лохов, понимаешь, Слава? Работа не пыльная, в вечернее время, в чистом офисе... Понимаешь, я сама уже не в состоянии этим заниматься. Я всех своих клиенток давно окучила, а у меня все-таки клиника, а не приемный пункт для сердобольных лохов. Пора снимать отдельный офис, нанимать сотрудников... Как тебе моя идея? По душе? И ведь заметь, ничего в ней нету аморального! Ведь тем самым в человеке пробуждается его человечность, желание помочь ближнему своему!

– А дети? – Я почесал в затылке. – Дети-то на самом деле есть?

– Ну, как тебе сказать... – Алла отрезала себе еще один маленький, аккуратный кусочек котлеты и принялась разжевывать его с таким усердием, словно это была техасская воловья жила. – Дети-то есть, конечно, иначе чьи же тогда мордочки изображены на фотографиях. Но они уже действительно очень больны, им ничего на свете не поможет, ну а некоторых вообще и в живых-то давно нет. Таких девяносто девять процентов. Есть один процент, я его называю «легальным процентом», который действительно проходит курс лечения здесь или за границей и выживает. Они двигают этот бизнес вперед потому, что являются наглядным доказательством, которое можно предъявить сердобольным лохам, мол, вот, смотрите! Ваша помощь сотворила чудо! А еще есть просто детские фотографии...

– То есть? – не понял я.

– Ну, что «то есть»? У тебя есть детская фотография? Приноси ее. Мы сделаем из нее объявление с твоей мордочкой, напишем, что у тебя рак крови, что ты не хочешь умирать и для того, чтобы отправить тебя в Израиль, нужно собрать пятьдесят тысяч долларов. Может, всю сумму не соберем, но что-то да накапает. Милосердие и благотворительность – это хороший бизнес, поверь мне, милый мой. Мы было начали заниматься этим в Бельгии, но там много рисков. Проверки разные, комитеты... А сейчас хотим попробовать серьезно развернуться здесь. Если ты вздумает сказать, что это подло и недостойно, то считай, что разговора не было, и ты можешь и дальше продолжать, как ты там выразился? – ах да: командовать оравой тупых болванов. Я просто предлагаю тебе серьезную возможность заработать серьезные деньги. С

каждой спасенной малютки тебе будет причитаться, – она помешкала немного, – пятнадцать процентов.

– Двадцать, – выпалил я, – пятнадцать мало. Двадцать в самый раз. Пять процентов на покупку свечек, чтобы можно было ставить за спасение души.

– Милый, умный мальчик, – проворковала Алла и отрезала себе еще кусочек котлеты.

2

Описывать этот «бизнес» в мельчайших подробностях я не стану, так как вам, мои читатели, и так уже многое стало понятно. «Ложная благотворительность», то, чем предлагала мне заняться Алла, лишь один из элементов колоссальной индустрии попрошайничества, в которую включены и страшные нищие оборванцы и оборванки, и безногие инвалиды в военной форме, и дети с табличками «умерла мама» или, скажем, «сторе́л дом» – это низ пирамиды индустрии попрошайничества, ее подошва. А вот афера с больными детьми – это более высокие сферы пирамиды, но все же и не они еще самые высшие. Выше стоят международные благотворительные организации, оказывающие «гуманитарную» помощь: через них отмываются такие средства, что при одной мысли об этом у меня, теперешнего, уважаемого, чьи ноги обуты в шкуры нильского крокодила, во рту появляется приятный вкус плодов мангостина. Само собой, все верхние уровни пирамиды занимает церковь: она и только она вне конкуренции. Столько, сколько собирает церковь, не соберет никто и никогда. У церкви слишком веские аргументы. У Аллы все проще: косметология – это так, больше для отвода глаз, официальная ширма, а на деле: несуществующие больные дети, существующие больные дети, одним словом, детское несчастье – вот основной инструмент в бизнесе Аллы. Деньги, сделанные на доверии и горе. И она предложила мне, если так можно выразиться, «прыгнуть в долю». Ей был нужен «презентатор» – молодой человек, умеющий убеждать. С моим талантом прораба я подходил как нельзя лучше, да и был к ней, если так можно выразиться, «как нельзя ближе». Таким образом Алла решила сделать меня своим «партнером».

Маме я ничего говорить не стал. Сказал только, что вчера перебрал лишнего, что много нервной работы, что скоро мы с ней заживем как люди и переедем из этого медвежьего угла куда-нибудь поближе к свету.

– У меня большой заказ, мам. Вот я и нервничаю, как бы чего не напортачить. И ты, кстати, убрала бы вот это, – я достал сверток с деньгами и, взвесив его в руке, передал ей, – ты умеешь прятать лучше, чем я.

– Хорошо, сынок, хорошо, – даже не разворачивая свертка, залопотала мама, – езжай, работай, с кем не бывает. Переживать так не стоит, все сложится. Ты у меня умница. А это я спрячу, ты не волнуйся. Не в банк же нести? Главное, теперь запомни: если стал денежки получать, так ты не рисуйся. Район у нас криминальный, люди, сам знаешь, какие злые да завидующие. А ты небось машину захочешь теперь купить красивую, девушек катать, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.